

АДВОКАТ
ИЗ БУДУЩЕГО

ЦЕНА ПРИЗНАНИЯ

ТОМ 3

Аркадий Шмелёв

**Адвокат из будущего.
Цена признания.**

«Автор»

2026

Шмелёв А. П.

Адвокат из будущего. Цена признания. / А. П. Шмелёв —
«Автор», 2026

Петербург, 1895 год. Купец Гаврилин приносит адвокату документ: подпись настоящая, а обязательство, которое она подтверждает, он на себя не принимал. Андрей Воронцов, юрист XXI века в теле Сергея Корсакова, берётся выяснить, как подлинная бумага превратилась в подлог. Вскоре человек, предъявивший её купцу, погибает. Гаврилин скрывает ссору с убитым и унесённый из его дома лист. Теперь каждая ложь клиента помогает обвинению, а среди старых документов обнаруживается след самого Корсакова. Чтобы защитить купца, Андрею придётся восстановить путь исчезнувших бумаг, проверить показания тех, кому он доверял, и разобраться в поступках человека, чью жизнь он занял. До окончательного расчёта по старому соглашению остаётся всё меньше времени. Тот, кто извлёк выгоду из подлога, готов предъявить суду свою версию событий.

© Шмелёв А. П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужой текст	5
Глава 2. Порядок листов	12
Глава 3. На обороте	17
Глава 4. Двенадцать тысяч	23
Глава 5. Сто семнадцать рублей	29
Глава 6. После закрытия	35
Глава 7. Хорошее имя	40
Глава 8. Оставшийся экземпляр	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Адвокат из будущего. Цена признания.

Глава 1. Чужой текст

– Подпись моя, – сказал Гаврилин. – Всё остальное неправда.

Андрей не ответил сразу. Внизу листа стояло «Иван Гаврилин» с длинным росчерком, уходившим под последнее слово. Перед подписью оставалось четыре строки печатного текста и одна рукописная. Бумага лежала ровно, хотя купец придерживал её ладонью так, будто она могла вырваться.

- Что именно неправда?
- Что деньги я получил.
- А когда подписывали, что было написано?
- Что расчёт принят.
- Здесь тоже написано, что расчёт принят.

Гаврилин поднял на него глаза.

- Вы хотите меня поймать?
- Пока я хочу понять, с чем вы пришли.

Купец убрал руку. На бумаге остался влажный след от мизинца. Было жарко. Открытое окно мало помогало: из двора тянуло нагретым деревом и чем-то кислым, а подоконник занимали два тома, которыми Николай прижал поступившую почту. Гаврилин явился без предупреждения, через три дня после письма Лаврова. Фамилия в списке перестала быть строчкой и превратилась в плотного, невысокого человека с красными веками и плохо выбритым подбородком. Он всё ещё держал на коленях шляпу.

- Оставьте её на стуле, – сказал Андрей. – Разговор будет длинный.
- У меня приказчик ждёт.
- Пусть ждёт. Или отпустите его.
- Он с лошастью.
- Лошадь тоже может подождать.

Гаврилин поставил шляпу рядом, но остался сидеть на самом краю кресла. Андрей прочитал лист заново. Не отдельные слова, за которые зацепился в первый раз, а весь короткий текст, начиная с заголовка. «Подтверждение окончательного расчёта». Далее следовало, что нижеподписавшийся принял расчёт согласно ведомости, состоящей при общем соглашении, удовлетворён полностью и требований по означенным поставкам не сохраняет. После этого другой рукой было добавлено: «В части двенадцати тысяч рублей». Ни имени плательщика, ни перечня поставок на самом листе не было.

- Дата?
- Девяносто второй год. Осенью.
- Точное число помните?
- В бумагах должно быть.
- У вас?
- Было у вас, Сергей Николаевич. Вы моё дело вели.

Андрей положил лист на стол. Он давно научился переживать этот момент. В первые недели всякое «вы помните» заставляло его искать ответ немедленно, придумывать болезнь, усталость, давность. Теперь он знал, что лучше дать человеку услышать неприятную правду до того, как она станет условием всего разговора.

- Часть прежних дел я не помню. Николай вам говорил?
- Говорил, когда встретил. Я думал, это он меня отговаривает.
- От чего?

– К вам идти.

– Зачем ему вас отговаривать?

Гаврилин посмотрел на дверь.

– Не знаю. Теперь вы человек известный. Вдова эта, Нечаева. Газеты. А у меня дело старое, счёт на счёт, ничего интересного.

– Двенадцать тысяч рублей вас достаточно интересуют?

– У меня их нет.

– Я спросил не это.

Купец вдруг усмехнулся. Коротко, без веселья.

– Это интересует меня больше, чем что-либо за последние три дня.

Андрей придвинул к себе чистый лист.

– Тогда начнём заново. Кому вы поставляли товар?

– Северцеву.

– Какой?

– Лес. Не я сам возил. Я закупал и передавал по условиям договора. Часть на постройки, часть дальше, к дороге. Северцев распределял.

– Что случилось с поставкой?

Гаврилин пошевелил пальцами на коленях.

– Не всё приняли.

– Почему?

– Заявили, что лес не той меры и качества.

– Был той?

– По моим бумагам – той.

– А на самом деле?

Купец отвёл взгляд к окну. На дворе кто-то уронил пустую бочку. Она прогремела по камням, и человек, уронивший её, выругался так обстоятельно, что Андрей невольно переждал.

– Вы опять меня ловите, – сказал Гаврилин, когда стало тихо.

– Если я узнаю неудобную часть от противной стороны, это обойдётся вам дороже.

– Часть была хуже. Не вся.

– Насколько большая часть?

– Около четверти. Только это не я при приёмке подменял. Я купил по образцу, получил другое, а требовали уже с меня. Я сам собирался судиться с тем, кто продал.

– Собирались или судились?

– Не успел. Мы заключили мировую. Через вас.

Андрей записал: «Четверть. Брак признаёт». Гаврилин следил за пером.

– Вам обязательно это записывать?

– Мне обязательно это помнить.

– Я ведь не признаюсь, что обманул.

– Пока вы объясняете своему поверенному, что произошло. Продолжайте.

Слово «поверенному» подействовало лучше уверений в сочувствии. Купец подвинул кресло ближе к столу. По договору Северцев дал аванс. После спора потребовал возвращения денег, неустойку и расходы за задержку. У Гаврилина лежал невывезенный лес, часть купленного уже сгнила у пристани, двое его должников не платили. Если бы Северцев взыскал всё, семья лишилась бы дома. Они сошлись на двенадцати тысячах, зачтённых против других расчётов. Что именно вошло в эти другие расчёты, Гаврилин объяснял плохо: то называл расходы на перевозку, то возвращался к прежнему авансу, то сердился, что Андрей спрашивает одно и то же. Андрей не пытался его запутать.

Он трижды спросил, кто кому остался должен после соглашения. Получил три ответа.

– Возьмите перо, – сказал он наконец.

– Зачем?

– Напишите. Здесь вы, здесь Северцев. Стрелкой покажите, куда должны были идти деньги.

Гаврилин взял перо неудобно, как столовый нож.

– Я не мальчишка.

– Тогда это займёт мало времени.

Купец написал свою фамилию слева, Северцева справа и провёл между ними черту. Потом перечеркнул её.

– Никто никому не платил. В том и дело. Мне оставили то, что уже было выплачено по другим поставкам, я отказался от остального. Он отказался от неустойки. Двенадцать тысяч свели по счёту. Вы сказали, хуже уже не будет.

Андрей отметил про себя последнюю фразу. Она ещё могла вернуться к нему в чужом изложении.

– И этот лист относился к тому расчёту?

– Конечно.

– Когда вы видели его последний раз до нынешней недели?

– Тогда и видел. Подписал и отдал.

– Кому?

– Вам.

Андрей поднял голову.

– Лично?

– Вы сидели рядом. Я подписал, вы забрали. Был ещё человек Северцева. Его я не помню.

– Громов присутствовал?

– Нет. Вы сказали, что Александр Петрович всё проверил.

Тонкие пальцы чужого тела держали перо спокойно. Андрей посмотрел на них с раздражением, которого не почувствовал к клиенту. Три года назад эти пальцы забрали лист. Кто-то, носивший его нынешнее имя, заверил человека, что всё проверено. У него не было ни одного воспоминания об этом.

– Откуда бумага взялась сейчас?

– Свешников прислал.

– Фёдор Андреевич?

– Он.

Имя и отчество нашлись в переписке Нечаева ещё вчера. Николай собирался отправиться к Свешникову после обеда.

– С каким требованием?

– Я должен подтвердить, что получил двенадцать тысяч для выдачи людям и раздал сполна. Иначе он предъявит ко мне расчёт. Что не выдано людям, то я должен вернуть.

– Каким людям?

– В том-то и дело, Сергей Николаевич. Каким людям?

Гаврилин полез во внутренний карман, достал сложенный вчетверо конверт, за ним письмо. Андрей не стал указывать, что начать следовало с письма. Клиенты приносили сначала то, чего боялись больше всего. К смыслу претензии приходилось добираться через предмет страха. Письмо было написано вежливо. Свешников предлагал явиться со своими книгами для сверки полученного в своё время и подтвердить исполнение обязательств перед лицами, указанными в приложенной ведомости. Самой ведомости не было. Вместо неё прилагалась копия спорного подтверждения. «Во избежание дальнейших расходов и недоразумений окончательное согласование должно быть произведено до пятнадцатого октября сего года».

Андрей перечитал число. Не потому, что сомневался в нём. Он открыл ящик, где хранил письмо Лаврова, но тут же закрыл его. Показывать клиенту список было рано. Даже спрашивать о нём было рано: Гаврилин ещё не закончил собственный рассказ.

– Почему Свешников требует с вас, если соглашение было с Северцевым?

– Сам хотел бы знать.

– Вы с ним знакомы?

– Давно. Не близко. Он по тканям больше, я по лесу. Но расчёты иной раз через одни конторы шли.

– «Рейнгольд»?

Гаврилин насторожился.

– Через них тоже. А что?

– Уточняю. Вы отвечали на письмо?

– Ходил к нему.

– Когда?

– Вчера.

– О чём говорили?

– О том, о чём с вами. Только он не слушал.

– Вы поссорились?

– Я потребовал показать людей.

– Каких людей?

– За которых мне теперь платить. Живых. С именами. Не бумажку.

– И что он ответил?

Купец сжал губы.

– Что некоторых уже не покажешь.

Перо Андрея остановилось.

– Это были его точные слова?

– Не всё слово в слово помню. Но смысл такой.

– Что вы сказали после этого?

– Что за мёртвых денег он с меня не получит.

Андрей отложил перо.

– Эту фразу вы больше никому не повторяйте.

– Но я не хотел...

– Я понимаю, что вы хотели сказать. Тот, кто будет пересказывать ваш разговор, может понять иначе. При Свешникове кто-нибудь был?

– Сын входил. Не знаю, сколько слышал.

– Приказчик?

– В передней сидит. Дверь открыта была.

Гаврилин помрачнел, сообразив, что разговор, казавшийся ему личным, уже принадлежит нескольким людям.

– Он нарочно меня доводил, – сказал он.

– Возможно. На следующую встречу один не ходите.

– Вы пойдёте?

Андрей не ответил немедленно. Взял подтверждение и повернул к свету. Перед ним была не старинная улика из романа, которую достаточно подержать у свечи, чтобы проступила спрятанная строка. Обычная писчая бумага. Недавняя копия. Подпись воспроизведена другим пером, росчерк старательно повторён. В правом нижнем углу стояло «С подлинным верно», но без удостоверения, которому Андрей мог бы придавать самостоятельное значение.

– Это копия, – сказал он.

– Конечно. Подлинник у него.

– Вы его видели?

– Показывал вчера. Из рук не дал.

– Тогда сейчас вы признаёте подпись, нарисованную на копии.

– Я свою подпись знаю.

– Я не спорю. Но когда вы пойдёте со мной, мы попросим сам документ. И весь расчёт, к которому он будто бы относится. До тех пор вы ничего дополнительно не подписываете.

– Я и пришёл, чтобы вы сказали, что подписывать нельзя.

– Я сказал.

Гаврилин впервые откинулся на спинку кресла. В этом движении было столько облегчения, что Андрей почувствовал досаду: клиент уже получил нужную ему короткую фразу и мог теперь решить, что дело сделано.

– Есть ещё бумаги?

– Свешников что-то вложил. Я не разбирал. Там ваше.

Купец достал из конверта второй лист, тоньше первого. Андрей взял его. На этот раз текст был совсем короткий: «Означенный расчёт с состоящими при нём приложениями от Ивана Степановича Гаврилина получен и передан по назначению». Дата относилась к осени девяносто второго года. Под ней стояло: «Помощник присяжного поверенного С. Н. Корсаков». Андрей прочитал ещё раз. Смысл от повторения не изменился.

– Вот, – сказал Гаврилин. – Я и подумал: раз ваше, вы ему сами объясните. Вы же знаете, что принимали.

В дверь постучал Николай. Он принёс книгу текущих поручений, но по лицу Андрея понял, что с записью лучше подождать.

– Александр Петрович вернулся, – сказал он. – Вас сейчас позвать?

– Попроси его к нам.

Гаврилин подобрал шляпу.

– Мне выйти?

– Пока нет.

– Я не стану ещё раз всё рассказывать. У меня с утра сердце...

– Не нужно ещё раз. Я расскажу.

Громов вошёл с очками в руке. Посмотрел на купца, кивнул с узнаваемой, хотя и не особенно тёплой вежливостью.

– Иван Степанович. Давно не были.

– Лучше бы и не понадобилось, Александр Петрович.

– Обычно так и бывает. Сергей Николаевич?

Андрей передал ему два листа и письмо, в этом порядке. Громов прочитал. На втором листе задержался.

– Оригиналы видели?

– Только Иван Степанович. Вчера, у Свешникова.

– Всё вместе?

– Пока неясно.

– Помните дело? – спросил Андрей.

– Помню, что спорили о лесных поставках. Содержание мирового по памяти не восстанавливаю.

– Клиенту было сказано, что вы проверили условия.

Громов посмотрел сначала на Гаврилина, потом на Андрея.

– Значит, нужно поднять условия.

– Папка не найдена.

– Знаю.

В комнате стало тихо. Из приёмной донёсся голос посетительницы, спросившей, скоро ли её примут. Николай прикрыл дверь, оставив книгу на краю стола.

– Александр Петрович, – сказал Гаврилин, – мне не важно, кто из вас был. Мне важно, что делать. У меня эту сумму взять негде. Если я начну распродаваться сейчас, осенью не закуплю ничего. У меня дети.

Громов сел.

– Пока от вас требуют объяснений, а не отнимают дом. Это разные положения. Мы получим документы и установим, что именно вы подписали.

– Сергей Николаевич сказал, чтобы я больше ничего не подписывал.

– В этом можете на него положиться.

Купец переводил взгляд с одного на другого. Он искал между ними разногласие, которое позволило бы ещё немного испугаться или, наоборот, успокоиться окончательно. Не нашёл.

– Во сколько завтра?

– Сегодня, – сказал Андрей. – Если Свешников нас примет, поедем сегодня.

Гаврилин встал так быстро, что задел шляпой стол.

– Я велю подать.

– Сначала Николай запишет поручение. И оставьте оба листа.

– Подлинников у меня нет.

– Я это понял. Оставьте то, что есть.

Купец вышел в приёмную. Они слышали, как он говорит Николаю о приказчике, о лошади, о том, что ещё не завтракал. Обычные вещи, за которые человек держался после часа разговора о разорении. Громов дождался, пока голос отдавится.

– Вы уже решили?

– Что?

– Что прежний Корсаков ничего плохого не сделал.

Андрей посмотрел на подтверждение передачи.

– Нет.

– Хорошо.

– Но я не решил и обратного.

– Ещё лучше.

Громов потянул к себе письмо Свешникова.

– Дата та же?

– Пятнадцатое октября.

– Список пока ему не показывали?

– Нет.

– Не показывайте до разговора со Свешниковым. Пусть каждый расскажет своё.

Андрей кивнул. Он снова прочитал строку под старой датой. На копии его нынешнее имя выглядело безупречно: буквы соединялись легко, росчерк был уверенным, как будто человек, поставивший его, ни в чём не сомневался. Сам Андрей не мог подтвердить ни одной из этих букв собственной памятью.

– Если я принимал этот расчёт, – сказал он, – меня могут спросить не как защитника.

– Могут.

– И что тогда?

– Тогда защищать будет тот, кого не спрашивают. – Громов надел очки. – Не пытайтесь решить заранее все неудобства. Для начала узнайте, сколько листов было в пакете.

Андрей посмотрел на него.

– Почему именно это?

Громов постучал ногтем по первой строке.

– Здесь получен расчёт с приложениями. Человек, который пересчитал деньги, пишет иначе. Возможно, вы тогда удостоверили всего лишь передачу бумаг.

Андрей вернулся к расписке. Подпись Корсакова отвлекла его от того, чего здесь не было: перечня приложений. Он записал вопрос к Свешникову: сколько листов тот получил?

Глава 2. Порядок листов

Свешников ответил, что примет их в четыре. До четырёх оставалось почти три часа. Гаврилин хотел провести их в конторе, возле кабинета, словно отлучка могла лишить его защиты. Николай убедил его поехать. Дважды объяснил дорогу до трактира, хотя купец, вероятно, знал её лучше. Когда дверь за ним закрылась, Николай вернулся и положил перед Андреем два листка. На одном были выписаны все упоминания Свешникова в оставшейся переписке Нечаева. На другом – ответы, полученные по делу Гаврилина.

– Нового почти ничего, – сказал он. – Но теперь хотя бы понятно, кого спрашивать о семье.

– О чьей семье?

– Одинцова. Бюро продали после его смерти. Покупатель давно умер, но при продаже вещи разбирала внучка. Мария. Нашёл человека, который отвозил шкафы.

– Когда?

– Вчера.

Андрей поднял глаза.

– Ты вчера весь день был здесь.

– Шкафы отвозили десять лет назад, а человек теперь служит у нашего переплётчика. Я спрашивал, пока ждал книги.

– Прости. Глупый вопрос.

– Привыкаю.

Николай сел и придвинул копию подтверждения Гаврилина.

– Можно?

– Читай.

Он прочитал молча. Затем повернул бумагу боком, пригляделся к её краю и положил обратно.

– Подлинник он только видел?

– Из рук Свешникова.

– Сколько листов?

– Теперь и ты?

– Что?

– Это первый вопрос Александра Петровича.

– Значит, я хотя бы не зря здесь сижу.

Николай поднялся, достал из шкафа тонкую папку и выложил на стол три небольших листа. На каждом было написано почти одно и то же: получен пакет, возвращены приложения, передано столько-то листов по описи. На двух стояла подпись самого Николая. На третьем – Корсакова. Настоящая, не воспроизведённая рукой копииста.

– Это текущие передачи? – спросил Андрей.

– За разные годы. Наши расписки. Если отдаём подлинники стороннему человеку, Александр Петрович велит писать число листов. Если получаем пакет запечатанным, указываем печати и наружную надпись. Иногда вы ленились.

– Я?

Николай не ответил сразу.

– Сергей Николаевич, который был здесь раньше.

Они редко доходили до такого уточнения. Обычно хватало местоимения или времени глагола. Сейчас имя повисло между ними, и Андрей понял, что Николай сказал его нарочно: эту работу нельзя было сделать, всё время оглядываясь на невозможность произнести очевидное.

– Можешь говорить как тебе удобно, – сказал он.

– Мне удобно, чтобы вы не сердились на бумагу.

– Я не сержусь на бумагу.

Николай посмотрел на него.

– Хорошо, – сказал Андрей. – Уже не сержусь.

Он разложил расписки. В одной стояло «четыре листа», в другой – «пакет за двумя печатями», в третьей прежний Корсаков написал только «бумаги согласно приложенной описи».

– Опись к третьей сохранилась?

– Да. Иначе я бы её не принёс.

Николай развернул сложенный пополам лист. Шесть названий, возле каждого число. Внизу подпись получателя. Всё скучно, понятно и пригодно для проверки. Андрей почувствовал почти благодарность к этим шести строкам.

– В копии от Свешникова опись не названа, – сказал он.

– Может, её не было.

– Может, не скопировали.

– Или расписка не наша по форме. Вы могли написать её у них.

Андрей посмотрел на Николая с интересом. Тот пожал плечами.

– Вы ведь не всё в конторе подписывали.

Из соседней комнаты позвал Громов. Пришёл доверитель по спору о наследстве, и патрон просил принести книгу. Николай ушёл, оставив расписки на столе. Андрей достал письмо Лаврова. В отдельном конверте лежал знакомый лист: Свешников. Одинцов. Гаврилин. Ни инициалов, ни званий. Ни слова о том, чего от этих людей ожидать. Ниже стояло: «15 октября 1895». За три дня Андрей придумал достаточно объяснений, чтобы возненавидеть каждое. Срок платежа. Дата встречи. День, после которого можно будет получить пакет. Последний день жизни кого-то из названных. Последнее объяснение пришло первым и держалось крепче остальных. У него не было ни одного доказательства.

Была вдова, передавшая слова умершего мужа. Было «кто следующий». Был собственный опыт человека, очнувшегося в чужом теле. После этого любая бумага с будущей датой казалась личным посланием из места, о котором Андрей ничего не знал. Теперь перед ним лежало обыкновенное коммерческое письмо, повторявшее то же число. Он выписал его отдельно. «Окончательное согласование должно быть произведено до...» Так назначали срок. Так не предсказывали смерть. Он не почувствовал облегчения. Только раздражение на себя за то, сколько времени успел отдать самой тревожной версии. Вошёл Громов, закрывая книгу закладкой.

– Клиент поел?

– Надеюсь.

– А вы?

– Ещё нет.

– Значит, за ним зря волновались. Что нашли?

Андрей показал расписки. Громов просмотрел их и кивнул.

– Да. Число листов мы писали не из любви к арифметике.

– Вы могли проверить мировое, не видя последующих приложений?

– Мог. Только сначала надо установить, что они действительно последующие.

– Я понимаю.

– Тогда не называйте их так даже между нами. К привычной версии быстро привыкает язык, потом голова.

Андрей помолчал. Он слышал этот совет прежде, только обычно произносил его сам.

– Есть ещё вопрос, – сказал он. – Если моя расписка окажется настоящей, вы возьмёте дело?

– Я и так отвечаю за работу конторы.

– Я не об этом. Если потребуется моё объяснение.

Громов отложил книгу.

– Пока мы читаем бумаги и сопровождаем человека на сверку. Если спор станет судебным, определим, кто ведёт дело и кто может быть вызван по обстоятельствам передачи. Если ваши интересы разойдутся с интересами Гаврилина, он получит другого поверенного по этой части. Предпочтительно до того, как противная сторона объяснит ему, что вы спасаете себя за его счёт.

– А если он захочет только меня?

– Он может хотеть, чтобы завтра прекратился дождь. Наши возможности от этого не меняются.

За окном стояло солнце. Андрей не стал указывать на это.

– Вы помните, что тогда знали о двенадцати тысячах?

Громов снял очки.

– Помню человека, который пришёл с требованием взыскать с Северцева больше, чем мог получить. Помню вас, уверенного, что достаточно пригрозить оглаской и торговый дом уступит. Помню, что предложил считать расходы, а не собственную обиду. Дальше только то, что увидим в документах.

– Вы были довольны соглашением?

– Кажется, да.

– Значит, оно было разумным.

– Значит, я мог ошибиться.

Андрей посмотрел на него.

– Александр Петрович...

– Не утешайте. За тридцать лет работы я ошибался достаточно, чтобы не исключать такую возможность только по собственному имени в деле.

Громов снова надел очки и взял письмо Свешникова.

– Дата меня смущает больше подписи.

– Почему?

– До октября далеко. Он пишет вежливо, но приглашает немедленно. Если согласование действительно можно провести осенью, отчего торопиться сейчас?

– Из-за Нечаевой. Суд привлёк внимание к старым расчётам.

– Возможно. Ещё?

– Кто-то хочет получить новое подтверждение, пока Гаврилин не вспомнил старое дело.

– Он три года мог ничего не помнить. Теперь пришёл к нам. Чего этим добился отправитель?

Андрей провёл ладонью по столу, сдвигая крошку сургуча.

– Проверяет, что осталось в конторе.

– Это уже ближе к полезному вопросу. Но и этого мы пока не знаем.

Николай вернулся с небольшим подносом. На нём стояли три стакана чая, блюдце с нарезанным хлебом и сыр. Громов посмотрел на поднос.

– Счёт куда?

– В расходы конторы. Можно записать как предупреждение несчастных случаев.

– Падения в обморок?

– Нет. Вы с Сергеем Николаевичем натошак хуже разговариваете с людьми.

Громов взял стакан.

– Пишите как хозяйственные.

Они поели за столом, впервые за утро не разбирая чью-то вину. За стеной женщина спрашивала о наследстве мужа. Нужны были деньги на дорогу в уезд, но распоряжаться тем, что осталось, она ещё не могла. Громов отправил Николая выписать ей перечень документов и

адрес. Андрей слышал, как тот объясняет медленно, не канцелярским языком: что она получит здесь, что нужно прислать из дома, кому не следует отдавать единственный подлинник. В его прежней жизни на такое объяснение уходило пять минут и сообщение в телефоне. Здесь женщина заворачивала бумагу в платок, чтобы не потерять.

Он поймал себя на ненужном желании достать телефон. Иногда рука до сих пор искала прямоугольник в кармане, особенно когда нужно было срочно сверить маленькую вещь: дату, адрес, слово. Люди вокруг понимали такие движения проще. Нервничает. Проверяет часы. Ищет табак. Громов доел и ушёл к доверительнице. Николай задержался на пороге.

– О чём вы сейчас думали?

– Что быстро получить ответ ещё не значит получить правильный.

– Это про Свешникова?

– Не только.

– Тогда я спрошу только про Свешникова. Берём список?

– Нет. Копию даты я записал. Сам лист останется здесь.

– Под замком?

Андрей посмотрел на него. Николай не отвёл глаз, но и не улыбнулся. Вопрос был рабочим; за ним оставалось другое, чего они оба касаться не собирались.

– В шкафу Александра Петровича. Пусть он тоже знает, где оригинал.

– А ваше?

– Отдельно.

Николай кивнул. Он не спросил, как Андрей назвал бы себя в расписке, если бы мог. Андрей был благодарен ему за это сильнее, чем за чай. Гаврилин вернулся за двадцать минут до назначенного выезда. Поесть успел, но выглядел ещё хуже: за короткую отлучку придумал новые неприятности.

– Если он скажет, что вы всё подтвердили? – спросил он, едва переступив порог.

– Попросим показать, что именно.

– Если покажет?

– Прочитаем.

– Вы всё переводите на бумагу.

– Пока он требует с вас по бумаге.

Гаврилин сел на край стула.

– С моей женой он не станет говорить?

– Сам Свешников?

– У меня Варвара Петровна. Она о деньгах наших не всё знает.

Андрей закрыл папку.

– Что именно она не знает?

– Дом записан на неё. Это с покойного тестя ещё. Если ей прислать такую бумагу, она решит, что и дом отберут. У неё здоровье не то.

– Дом имеет отношение к спорным поставкам?

Гаврилин ответил слишком быстро:

– Нет.

Андрей подождал. Купец потёр пальцем край шляпы.

– То есть тогда мы думали заложить. Не заложили. Потому мировая и понадобилась.

– Жена об этом знала?

– Готовилась подписать согласие. Потом не понадобилось.

– Бумаги о доме пока оставьте дома. Сегодня разговор о расчёте. Но жене лучше объяснить, что вы получили претензию и обратились за помощью.

– Она испугается.

– Если узнает от Свешникова, испугается сильнее.

– Вы её не знаете.

– Верно. Поэтому решать вам.

Гаврилин помолчал. Ему, кажется, впервые за день вернули право решить хоть что-то самому, и он не сразу понял, как им воспользоваться.

– Скажу вечером, – произнёс он.

Андрей не стал записывать это как обещание. Они вышли втроем. Николай нёс папку, Гаврилин – шляпу, которую никак не надевал, хотя солнце било прямо в лицо. У экипажа купец вдруг остановился.

– Сергей Николаевич. Только без скандала.

– Я не собираюсь скандалить.

– Тогда вы собирались.

Андрей посмотрел на него.

– Когда?

– Три года назад. Сказали: либо Северцев согласится, либо весь Петербург узнает, что он строит из гнили. Я потому и нанял вас. Мне нужен был человек, который не побоится.

Николай поднял голову, но ничего не сказал.

– А теперь? – спросил Андрей.

Купец неловко устроил шляпу на голове.

– Теперь мне нужно, чтобы меня не разорили. Человек с возрастом меняется.

Он полез в экипаж и тяжело сел. Андрей задержался у колеса, пропуская Николая. Старый Корсаков обещал огласку. Потом подписал мировую. Потом стал выяснять, кто покупает чужое молчание. Завтра Свешников должен был показать пакет. Андрей хотел увидеть расписку целиком.

Глава 3. На обороте

Свешников держал переднюю дверь открытой. От стола приказчика был виден кабинет, от кабинета – лестница. Гаврилин, поднимавшийся впереди, заглянул туда и остановился, заставив Андрея обойти его на последней ступени. Внутри уже сидел человек в светлом летнем пальто. Не снимая пальто, он держал на колене тонкую трость. Борода у него была седая, подстриженная ровно, без длинных прядей; волосы над ушами темнее. Пока приказчик докладывал о посетителях, незнакомец повернулся и посмотрел на них без видимого удивления. Андрей сразу подумал о рассказах Мезенцева. И сразу заставил себя перестать.

Седая борода была у половины состоятельных мужчин, которых он видел на этой неделе. Из неё нельзя было сделать доказательство даже для самого себя.

– Господа, – сказал Свешников, вставая. – Входите. Иван Степанович, вы сегодня с подкреплением.

– Я с поверенным.

– Тем лучше.

Свешников был выше Гаврилина и заметно суше. Под правым глазом у него темнело небольшое пятно, похожее на старый синяк. Когда он улыбался, пятно почти скрывалось в складке. Он подал Андрею руку.

– Фёдор Андреевич Свешников. Мы, кажется, прежде не встречались.

– Сергей Николаевич Корсаков.

– О вас трудно не слышать в последнее время.

Андрей назвал Николая. Свешников кивнул ему как человеку, чьё присутствие допускается, но отдельно обсуждать его не требуется. Незнакомец поднялся.

– Я оставляю вас. Наше подождёт.

– Да нет, Василий Андреевич, можете остаться. Здесь, полагаю, никаких тайн.

Андрей поставил папку на стол.

– Тогда сначала объясним, кто присутствует при разговоре.

Свешников перестал улыбаться. Незнакомец, напротив, улыбнулся чуть заметнее.

– Василий Андреевич Беклемишев. Занимаюсь расчётами нескольких торговых предприятий. Иногда помогаю Фёдору Андреевичу разбирать старые обязательства.

– Вы представляете его в этом споре?

– Пока спора, надеюсь, нет.

– В этой свертке, – поправил Андрей.

– Некоторые документы прошли через мои руки. Если возникнет вопрос об их движении, отвечу в меру того, что помню.

– Тогда прошу Николая отметить ваше присутствие.

Беклемишев посмотрел на него с новым вниманием.

– Отмечайте.

Николай сел у края стола, раскрыл тетрадь и записал имена. Андрей не стал просить Беклемишева уйти: человек сам обозначил участие в движении бумаг. Это было полезнее, чем его отсутствие. Гаврилин устроился рядом с Николаем, хотя свободное кресло стояло напротив Свешникова. Он явно не хотел сидеть ближе к хозяину.

– Скажу сразу, – начал Свешников, – разорять никого не намерен. Я предлагаю закончить старое дело так, как оно должно было закончиться ещё тогда. Иван Степанович принял расчёт. Здесь его подпись. Моих придумок нет.

– Покажите, пожалуйста, подлинник, – сказал Андрей.

– Разумеется.

Свешников открыл широкий ящик и вынул папку из тёмного картона. Завязки были новыми, светлыми. На корешке старым выцветшим почерком значилось одно слово: «Сводный». Андрей дал ему открыть папку самому. Свешников выложил три листа.

– Вот. Подтверждение. Вот ведомость. Вот расписка вашей конторы о передаче.

– Это весь документ?

– То, что относится к Ивану Степановичу.

– А весь?

– Здесь расчёты других людей. Они не поручали мне показывать вам свои дела.

– Тогда начнём с того, что вы показали.

Андрей попросил разрешения взять первый лист. Свешников кивнул. Подпись выглядела совсем иначе, чем на копии. Не красивее, а живее: нажим менялся, перо в одном месте оставило точку, росчерк у конца слегка раздвоился. Гаврилин наклонился к ней и тут же отвёл глаза.

– Моя, – повторил он.

Андрей не перебил. На подлиннике, кроме переписанного текста, оказалось несколько вещей, которых копия не передавала. Два отверстия у левого края. Короткая косая черта синим карандашом. Номер в верхнем правом углу: 4. Он перевернул лист. На обороте стояла строка, написанная поперёк сгиба: «К расчёту поставок по отдельной ведомости». Ниже – неразборчивые инициалы.

– На копии этого нет, – сказал Андрей.

Свешников придвинулся.

– Что именно?

Андрей показал.

– Это помета для хранения. В текст подтверждения она не входит.

– Кто её сделал?

– Не знаю. Тогдашний служащий.

– До подписи Гаврилина или после?

– Откуда мне знать?

– Я спрашиваю потому, что вы представляете документ как подтверждение получения определённых денег. Помета указывает, к чему он относится.

Беклемишев чуть поднял трость, поставил её ровнее.

– Сергей Николаевич, в деловой переписке такие пояснения делают постоянно. Иногда существенно позже самого расчёта. По одной помете нельзя установить содержание обязательства.

– Согласен, – сказал Андрей. – Поэтому мне нужна ведомость.

Свешников протянул второй лист. Это была таблица с фамилиями, суммами и краткими обозначениями. Вверху стояло: «Выдано и зачтено по соглашению участников». Ниже – несколько столбцов. В одном указывались деньги, в другом нечто, названное «принятыми обязательствами». Фамилия Гаврилина повторялась дважды: возле двенадцати тысяч и у общей суммы внизу. Названий поставок не было. Зато было слово «пострадавшим». Гаврилин увидел его одновременно с Андреем.

– Вот этого не было.

– Иван Степанович, – сказал Свешников устало, – вчера вы тоже говорили, что ничего не было.

– Я сказал: не было людей. Я лес поставлял, а не людей кормил!

– Подождите, – сказал Андрей.

– Да сколько можно ждать? Он мне чужое подсовывает!

– Именно поэтому подождите.

Гаврилин замолчал, дыша ртом. Андрей прочитал таблицу от начала до конца. Потом ещё раз, теперь сопоставляя обозначения сумм.

– Кто составил ведомость?

– Контора, производившая расчёт, – сказал Свешников.

– Какая?

– Все расчёты шли через нескольких посредников. Не я же сидел у каждого за столом.

– Здесь есть подпись составителя?

Свешников потянулся к листу. Андрей отдал. Хозяин посмотрел внизу, нахмурился и положил бумагу обратно.

– Она была приложением к общему соглашению.

– Я это уже слышал. Где число приложений к соглашению?

Свешников перевёл взгляд на Беклемишева. Это длилось меньше секунды. Но было первым движением за весь разговор, в котором хозяин кабинета искал помощи. Беклемишев не пошевелился.

– Вы же видите номер, – сказал Свешников. – Приложение второе.

– В правом верхнем углу?

– Да.

– Число приложений где указано?

– Нужно смотреть общее соглашение.

– Давайте посмотрим.

– Я вам объяснил, что там чужие расчёты.

– Тогда закройте чужие суммы. Покажите заголовок, дату, стороны и перечень приложений. Без этого я не могу понять, что вы предъявляете моему доверителю.

Свешников откинулся назад.

– Вы намерены спорить с каждой строкой?

– Только с теми, на основании которых требуют двенадцать тысяч.

Беклемишев тихо кашлянул.

– Фёдор Андреевич, просьба разумна. Мы не теряем ничего от того, что покажем состав пакета.

– Мы? – спросил Андрей.

– Я выразился неточно. Фёдор Андреевич не теряет.

Беклемишев улыбнулся, приняв поправку без раздражения. Свешников снова открыл папку. На этот раз вынул сшитые листы, полистал, нашёл нужное место. Прикрывая часть ладонью, подвинул её к Андрею. «Составлено в трёх одинаковых экземплярах с приложением ведомостей по каждому участнику». Числа ведомостей не было. Ниже перечислялись стороны. Андрей успел прочитать Свешникова и Гаврилина. Третье название было закрыто ладонью.

– Уберите руку, пожалуйста.

– Там не ваше.

– Там участник соглашения, на которое вы ссылаетесь против моего доверителя. Имя участника входит в содержание нашей сверки.

Свешников убрал ладонь. Третьим стояло: «Расчёт по прежней конторе Одинцова». Андрей заставил себя дочитать строку до конца. Не купец Одинцов. Не наследники Одинцова. Расчёт по прежней конторе. Мёртвый человек не подписывал соглашение три года назад. Его фамилия обозначала не человека. Андрей посмотрел на Николая. Тот записывал, не поднимая головы. Значит, тоже заметил.

– Этот экземпляр с самого начала хранился у вас? – спросил Андрей.

– Часть времени находился у распорядителя расчётов.

– У кого?

– Не вижу, какое это имеет значение.

– Я хочу установить, кто соединял эти бумаги.

Свешников прижал ладонью край папки.

– У господина Беклемишева. Вас это удовлетворяет?

Андрей повернулся к незнакомцу.

– Вы подтверждаете?

– Папка некоторое время хранилась у меня. Это не тайна.

– Когда вы её получили?

– Точную дату не назову без книги. В прошлом году, возможно, раньше.

– И когда вернули?

– В этом месяце.

– По собственной инициативе?

– По поручению лица, заинтересованного в окончательной сверке.

– Его имя?

Беклемишев впервые перестал улыбаться.

– Вы защищаете интересы Ивана Степановича. Я соблюдаю интересы людей, которые поручили работу мне. Их личные дела к спору о его подписи отношения не имеют.

– Пока вы предлагаете не связывать имя плательщика с требованием заплатить. Это затрудняет разговор.

– От него не требуют заплатить сегодня. От него требуют объяснить исполнение того, что он уже подписал.

– Он объяснил: принял расчёт по поставкам, денег для выдачи семьям не получал. Запишите это, Николай.

Свешников побагровел.

– Вы записываете только то, что выгодно вам.

– Запишите и возражение Фёдора Андреевича, – сказал Андрей.

Николай не улыбнулся. Перевернул страницу и записал. Гаврилин сидел тихо, разглядывая рисунок ковра. На ноге у него выступил светлый след пыли – похоже, задел штаниной известку на лестнице. Когда Андрей попросил показать расписку Корсакова, купец вздрогнул. Третий лист был меньше двух первых. Его нижний край неровно обрезами, но ни текст, ни подпись не были задеты. Слева темнели старые отверстия, не совпадавшие с отверстиями на подтверждении Гаврилина. Андрей не придавал этому готового смысла. Бумаги могли быть переплетены и расплетены сколько угодно раз. На обороте расписки оказалась короткая помета: «6 л.». Николай перестал писать.

– Шесть листов, – сказал Андрей.

– Видите, – отозвался Свешников. – Всё было получено.

– Покажите шесть.

– Вы же смотрите на пакет.

– Я смотрю на три отдельных листа и сшитое соглашение, которое вы не позволили прочитать полностью. Не знаю, какие шесть были переданы в день этой расписки.

– Всё, что касается Гаврилина.

– Тогда перечислите.

Свешников развёл руками.

– Сергей Николаевич, я рассчитывал, что вы поможете разобраться, а не устроите допрос.

Андрей положил расписку на стол. За полчаса он получил несколько полезных ответов. Ещё больше полезного состояло в том, на какие вопросы не ответили. Давить дальше не следовало. Свешников уже сердился, Гаврилин готов был сорваться, Беклемишев успел понять, что именно их интересует. Всякое следующее объяснение будет подготовленным.

– Мы получили вашу позицию, – сказал Андрей. – Мой доверитель не признаёт получения денег для выдачи пострадавшим. Подпись под отдельным расчётом по поставкам не отрицает. Просим предоставить для сверки полный экземпляр соглашения и все относящиеся к нему ведомости. Копии с оборотов тоже. Сегодня Николай перепишет то, что вы позволили посмотреть.

– Сегодня у меня нет времени, – сказал Свешников.

– Мы можем оставить письменную просьбу и получить ответ завтра.

– Оставьте.

Андрей достал заранее приготовленный чистый лист. Написал просьбу, перечислив документы и отдельно указав необходимость воспроизвести оборотные записи. Прочитал вслух. Гаврилин подался к нему.

– Мне подписывать?

– Это просьба дать бумаги. Прочитайте, если согласны – подпишите.

Купец читал медленно, двигая губами. Потом взял перо. Андрей смотрел, как возникает знакомый росчерк. Сомневаться в том, что старая подпись могла принадлежать этому человеку, стало труднее. Обязательство от этого яснее не стало. Свешников принял просьбу и нехотя написал на оставшейся у них копии, что получил её. В этот момент вошёл молодой мужчина с корзиной образцов. Он остановился в дверях, увидев посетителей.

– Потом, Алексей, – сказал Свешников.

– Курьер не может ждать. Что передать по синему сукну?

– Я сказал, потом.

– Он уже второй раз приходит.

Андрей обратил внимание на корзину. Поверх серых и коричневых отрезков лежала узкая синяя полоска с белой ниткой у края. К ней была приколотая записка. Обычный торговый вопрос. Свешников, по всему видно, не хотел решать его при чужих людях.

– Оставь образцы здесь, – сказал он. – И попроси подождать ещё десять минут.

Алексей поставил корзину у окна. Он посмотрел на Гаврилина без приветствия. Купец резко поднялся.

– Я больше не стану оправдываться за чужие деньги, Фёдор Андреевич.

– Я вас не прошу оправдываться. Прошу подтвердить ваше собственное слово.

– Моё слово было про лес. Про лес!

Андрей встал между ним и столом, не касаясь клиента.

– На сегодня закончим.

Гаврилин сделал шаг назад. Потянулся к шляпе, которая лежала на соседнем кресле, промахнулся, взял со второй попытки. Беклемишев открыл дверь.

– Надеюсь, бумаги помогут, – сказал он Андрею.

– Они уже помогли.

– Тогда день прошёл не зря.

Он остался в кабинете, когда они вышли. На лестнице Гаврилин остановился, держась за перила.

– Видели? Он не показал. Потому что показать нечего.

– Он показал достаточно, чтобы мы могли задавать точные вопросы.

– Вы ему верите?

– Я пока не знаю, правду ли он сам считает правдой.

– Удобно вы разговариваете.

– Иван Степанович, спускайтесь. Здесь душно.

На улице купец несколько раз глубоко вдохнул. Приказчик подбежал к нему и помог забраться в экипаж. Андрей попросил отвезти хозяина домой и задержать на месте до приезда домашних, если ему станет хуже.

- Я не больной, – сказал Гаврилин.
- Тогда просто поезжайте домой. Завтра сообщим, что удалось получить.
- Когда экипаж отъехал, Николай раскрыл тетрадь прямо на улице.
- Одинцов, – сказал он.
- Видел.
- По прежней конторе. Не сам купец.
- Да.
- Значит, наш список может быть не списком людей.

Андрей посмотрел на окна второго этажа. Свешников стоял возле корзины образцов, повернувшись боком. Беклемишева не было видно.

- Пока это первое объяснение, которое можно проверить.
- Дата тоже про расчёт.
- В письме – да. В списке может означать то же самое. Но сначала добудем полный текст.
- Николай убрал тетрадь.
- Вы заметили, что Свешников не знал про шесть листов?
- Он сделал вид, что это подтверждает его слова.
- Слишком поздно. Сначала посмотрел на Беклемишева.
- Ты записал?
- Как своё наблюдение. Не как его признание.

Андрей невольно улыбнулся.

- Хорошо.

Из двери вышел Алексей. Без корзины, зато с конвертом и недовольным лицом. Он прошёл мимо, потом остановился.

- Господин Корсаков?
- Да.
- Отец просил передать, что копии будут послезавтра.
- Спасибо.
- И чтобы Иван Степанович до того не приходил.
- Я ему передам.

Молодой человек перемялся с ноги на ногу.

- Вчера он сказал отцу, что это плохо кончится. Я прошу вас...

Он замолчал. Андрей ждал.

– Просто не пускайте его одного, – сказал Алексей. – Отец после этих разговоров всю ночь не спит.

Он ушёл, не дождавшись ответа. Николай проводил его взглядом.

- Иван Степанович про эту фразу не сказал.
- Нет.
- Думаете, угрожал?

- Думаю, нужно узнать точные слова и то, что было перед ними.

Андрей медленно застегнул папку. Гаврилин умолчал об угрозе. Свешников не показал всех бумаг. Беклемишев передавал документы обоим. Андрей попросил Николая найти адрес распорядителя.

Глава 4. Двенадцать тысяч

Нечаева не предложила ему чаю. Служанка спросила у двери, подавать ли, и Анна Дмитриевна покачала головой. Андрей был благодарен ей: в доме всё ещё хотелось говорить вполголоса, хотя оснований для этого больше не было. В кабинете покойного сняли тяжёлые шторы. На их месте висели светлые, пропускавшие утреннее солнце. Полоса на обоях, закрытая прежде шкафом, оказалась темнее остальной стены. Стола тоже не было.

– Я его продала, – сказала Нечаева, заметив взгляд Андрея.

– Ваше право.

– Мне почему-то кажется, что я должна вам объяснить каждую вещь, которую здесь переставляю.

– Уже не должны.

Она кивнула. Они сели в гостиной. Анна Дмитриевна держала руки открыто, на коленях. Перчатки лежали на подоконнике вместе с нитками и недошитым воротничком.

– Вы писали о семьях рабочих, – сказала она. – Я принесла, что осталось.

На небольшом столике лежали четыре конверта и тонкая тетрадь.

– Это не та переписка, которую я сожгла. Просьбы о помощи. Их Пётр иногда отдавал мне. Если там не было угроз или упрёков, только просьба. Я отвечала сама, когда могла.

– Он объяснял, почему люди обращаются именно к нему?

– Строительство. Несчастье. Кто-то остался без кормильца. Вы понимаете, как об этом говорили.

Андрей понимал. В той жизни тоже умели отделить несчастье от человека, который мог его предотвратить. В официальном письме никто никого не убивал: происходили неблагоприятные события, нарушались условия, возникали последствия. Здесь слов было меньше. Механизм оставался знакомым. Нечаева раскрыла тетрадь.

– Я записывала, кому отправлено. Не всегда по порядку. Иногда деньги передавала служанка, иногда посыльный. В этом ничего...

Она остановилась.

– Простите. Я всё ещё начинаю оправдываться раньше, чем вы спросили.

– Давайте просто посмотрим.

В тетради было несколько десятков записей. Пять рублей на лекарства. Три – на дорогу. Десять – вдове, чей сын поступил в ученики и нуждался в одежде. Между ними встречались бытовые расходы: ткань, дрова, жалованье. Андрей выписал фамилии, не предлагая Нечаевой вспоминать сразу всё.

– Прасковья Зотова, – сказала она, когда он дошёл до третьего листа. – Её я знаю лучше других. Приходила сама.

– Муж погиб на работах?

– Да. Несколько лет назад. В обвале. Кажется, временная постройка. Я тогда не захотела слушать подробно.

Последние слова она произнесла медленнее остальных.

– Почему?

– Потому что приехали гости. Она ждала в передней, а я велела передать деньги. Потом узнала, что приходила не за деньгами.

– За чем?

– За объяснением. Почему в бумаге было написано, будто ей уже выдали больше.

Андрей перестал писать. Нечаева заметила.

– Это относится к вашему новому делу?

– Возможно. Какой суммы она не получила?

– Не помню. Я тогда спросила Петра. Он рассердился. Сказал, что женщины не различают обещанное, зачтённое и выданное и лучше мне в счётные дела не вмешиваться.

– Вы спрашивали её после этого?

– Позже. Она больше не хотела говорить. Поблагодарила за рубль и ушла.

Нечаева посмотрела на тетрадь.

– Вы думаете, я должна была понять раньше.

Андрей закрыл колпачком дорожное перо. Он мог сказать, что не думает. Это облегчило бы разговор и было бы неправдой.

– Я думаю, что сейчас могу спросить её сам.

Нечаева приняла ответ молча. Потом взяла лист и написала адрес.

– Не говорите, что я вас прислала за благодарностью.

– Не скажу.

– И не обещайте, что им всё вернут. Я уже слышала такие обещания.

– Я тоже.

Она протянула адрес, но не отпустила сразу.

– Сергей Николаевич. Если найдутся деньги, которые ещё принадлежат мне, и люди, которым Пётр причинил вред... Мне нужен порядок. Не раздача из окна. Не чтобы потом сказали, что я покупаю молчание.

– Это отдельная работа. Потребуется установить, что осталось в наследстве, какие долги предъявлены, какие обстоятельства подтверждаются. Я попрошу Александра Петровича объяснить вам возможный порядок.

– Попрошу, значит, не сегодня?

– Сегодня я могу собрать сведения. Назначить всем доли по четырём письмам было бы нечестно.

Нечаева отпустила лист.

– Хорошо. Пришлите его, когда сможет.

На улице Николай ждал с извозчиком. Он не входил в дом: за время разговора успел купить бумагу и передать Ремизову просьбу сверить одну из фамилий по старым книгам.

– Прасковья Зотова, – сказал Андрей, садясь.

– Вдова?

– Да. Ты её видел раньше?

– Имя встречалось в прошениях. В деле Нечаевой мы не дошли до семей.

– Не дошли, – повторил Андрей.

Николай посмотрел на него, но ничего не добавил. Они поехали к Обводному каналу. Жара ещё не стала полуденной, однако на дворах уже стоял запах мокрой тряпки, помоев и угля. У нужного дома Андрей попросил извозчика подождать, потом передумал и расплатился. Нельзя было задавать вопросы о нескольких неполученных рублях, поминутно оглядываясь на нанятую лошадь. Под лестницей чинил сапог мальчик лет двенадцати. Услышав фамилию Зотовой, показал вверх шилом.

– Третий этаж. Только её нет.

– Когда будет?

– Если из-за белья, к вечеру.

– Мы не из-за белья.

Мальчик посмотрел на хорошие сюртуки, на папку Николая и снова взялся за сапог.

– Тогда не знаю.

На третьем этаже дверь оказалась открытой. Внутри две женщины складывали сухие простыни на узкой кровати. Одна, совсем молодая, придерживала ткань подбородком; другая, старше, одёрнула подол и посмотрела на вошедших.

– Вам кого?

– Прасковью Зотову.

– Я. По какому делу?

Андрей представился. Имя Корсакова ничего ей не сказало. Имя Нечаевой сказало слишком много: женщина распрямилась и убрала руки за спину.

– Я больше не ходила. Пусть не беспокоится.

– Она не жаловалась. Мы хотим спросить о расчёте после гибели вашего мужа.

– Хотеть можно.

Молодая женщина продолжала складывать простыню. Потом поняла, что ей не помогают, и положила ткань на кровать.

– Я выйду?

– Зачем? – спросила Зотова. – Ты ведь не чужая. Садитесь, господа, если не боитесь.

Единственный свободный стул стоял возле печки. Андрей сел. Николай остался у двери, не раскрывая тетради.

– Мужа звали...

– Егор.

– Егор Зотов. Когда он погиб?

Она назвала год и месяц. Три года назад. До мирового Гаврилина.

– Вам обещали выплату?

– Обещали. Потом говорили, что я уже получила.

– Сколько вы получили на самом деле?

– Деньгами двадцать пять рублей. Ещё гроб. Его тоже считали, хотя я не просила дорогого. И лекарь до того, как Егор умер. Он два дня был жив.

Андрей записал сумму. Зотова следила за его рукой.

– Вы из тех, что спросят и уйдут?

– Сегодня уйду. Прежде чем говорить о другом, мне нужно понять бумаги.

– Бумаги у всех понятные. Я у них непонятная.

– Покажете, что у вас осталось?

Женщина не двинулась.

– Куда заберёте?

– Никуда без вашего согласия. Можно посмотреть здесь и переписать.

– И вернёте?

– Они будут лежать на столе перед вами.

Молодая женщина отошла к сундуку, но Зотова остановила её:

– Я сама.

Достала из-под свёрнутого платка маленький мешочек. Из мешочка – несколько писем, детское свидетельство и лист с надорванным углом. Бумага была затёрта на сгибах так, что текст в двух местах почти исчез. Андрей положил её на стол осторожно. Это оказалось подтверждение выдачи двадцати пяти рублей в счёт содержания семьи до окончательного расчёта. Ниже было добавлено: «Двадцать пять получила». За неграмотную Прасковью Зотову подписал другой человек. В нижнем левом углу стояло «Гавр.». Андрей перечитал сокращение.

– Кто передавал деньги?

– Приказчик. Из конторы, где лесом торговали. Фамилию хозяина я потом слышала. Гаврилин.

Молодая женщина посмотрела на Андрея. Он не изменил лица, но, видимо, замолчал на секунду дольше нужного.

– Вы от него? – спросила она.

– Я разбираю требование, предъявленное ему.

Зотова потянула к себе расписку.

– Тогда чего спрашиваете? Он вам скажет, что всё выдал.

– Он сказал, что денег для выдачи семьям не получал.

– Может, и не получал. Я у него в кармане не была. Только приказчик его давал. А когда я пошла ещё, хозяин велел ждать расчёта.

Андрей позволил ей забрать бумагу. Это был тот момент, когда удобнее всего начать спорить со свидетелем, который ещё даже не согласился быть свидетелем. Уточнять с нажимом, намекать на давность, предлагать другое имя. После такого разговора в тетради осталось бы меньше неприятного. В деле – больше.

– Вы лично говорили с Гаврилиным?

– Лично. В лавке.

– Если встретите сейчас, узнаете?

– Не знаю. Тогда у него усы были гуще. Не молодой. Плотный. Разве я стану врать, что всё лицо помню?

– Что он сказал?

– Чтобы до осени не ходила. К осени сосчитают всех. Дали мне ещё три рубля на дорогу. До осени Егор уже лежал в земле. Дорога была не к нему.

В комнате никто не двигался. За стеной заплакал ребёнок. Молодая женщина пошла туда, оставив простыню на кровати. Вернулась с девочкой, сонной и горячей, положила ей ладонь на спину. Андрей заметил, что у Зотовой на указательном пальце кожа растрескалась до крови. Мыло, вода, тяжёлое бельё. Воспоминание о гробе не мешало ей думать, успеют ли высохнуть рубашки к вечеру.

– А затем вам сказали, что расчёт уже был? – спросил он.

– Пришёл человек. Не тот приказчик. Другой. Принёс большую бумагу, показал моё имя. Сказал: всё выдано, претензий больше нет.

– Вы подписали?

– Я не умею.

– Попросил кого-нибудь подписать за вас?

– Просил. Я не дала.

– Осталась копия?

– Не оставил. Сказал, незачем.

– Вы его можете описать?

Зотова задумалась.

– Небольшой. Молодой не был. В пальто хорошем. Голос тихий. Всё говорил, чтобы я не волновалась. Я и не волновалась сначала.

– Борода?

– Может, была. Не стану придумывать.

Андрей кивнул. Он не хотел подсказывать ей седую бороду. Вопрос уже был лишним.

– Ещё к кому-нибудь приходили с таким расчётом?

– К Лукиным. К Зубовым. У Зубовой мальчик руку потерял, муж жив остался. Только они уехали, когда работы не стало.

– Адрес знаете?

– Деревню знаю. В городе их нет.

Николай впервые заговорил:

– Если позволите, я запишу отдельно. И фамилии тех, кто подписывал за вас двадцать пять рублей. Может быть, они помнят выдачу.

Зотова посмотрела на него внимательнее, чем на Андрея.

– Вы тоже будете защищать Гаврилина?

– Буду проверять расчёт. В том числе то, что ему не понравится.

Она подумала и подвинула расписку обратно.

– Переписывайте. Только не пачкайте. У меня больше ничего нет.

Николай сел, положив тетрадь на колени. Андрей встал, освободив стул. Пока Николай переписывал, Зотова вернулась к белью. Разговор для неё не кончился, но работа ждать не могла. Андрей помог придержать край большой простыни. Она коротко указала, где взяться, потом дёрнула ткань, выравнивая углы. Он послушался.

– Деньги вам платить надо? – спросила она.

– За сегодняшний разговор нет.

– За то, чтобы моё посчитать.

– Сегодня я не принимаю ваше дело. Сначала нужно понять, не будет ли оно направлено против человека, которого я уже представляю. Если будет, нужен другой поверенный. Я скажу, к кому можно обратиться.

– Опять другой.

– Да.

Зотова несколько раз разгладила ладонью сложенное бельё.

– Вы хотя бы не говорите, что всё сделаете.

У двери Андрей оставил адрес конторы и имя Громова. Попросил не отдавать подлинник никому, кто придёт будто бы от них без записки. Потом поправился: записку тоже можно подделать.

– Лучше приносите сами. Или пусть человек подождёт, пока вы пришлёте к нам спросить.

– Мне некогда каждый раз ходить.

– Тогда пошлите мальчика. По этому адресу.

– Федю?

– Того, кто внизу чинит сапог?

Она кивнула.

– Он мой. Не любит, когда спрашивают про отца.

На лестнице Андрей нашёл Федю на прежнем месте. Сапог почти был готов. Он хотел дать мальчику монету и убрал руку от кармана. Монета сейчас означала бы слишком многое, чего он не собирался обещать.

– Хорошо починил, – сказал он.

Федя перевернул сапог подошвой вверх.

– Ещё не всё.

Они вышли на улицу. Николай некоторое время шёл молча. Потом достал из тетради переписанную расписку.

– Двадцать пять рублей через контору Гаврилина.

– Да.

– Он сказал, что никаких людей не было.

– Он сказал, что не получал денег для выдачи людям. Это может быть правдой.

– А может быть уловкой.

– Может.

Николай остановился.

– Вы ему больше верите, чем ей?

Андрей тоже остановился. По каналу медленно шла баржа. Человек на берегу кричал кому-то через воду, требуя придержать канат. Рядом проехала телега, заставив их посторониться.

– Я не должен выбирать, кому приятнее верить, – сказал Андрей. – Он мой доверитель. Она человек, чьи слова нужно проверить. И если он скрывает, что платил от себя небольшие суммы, я хочу знать зачем.

– Потому что тогда его можно связать с большой суммой.

– Да. Но маленькая выплата сама по себе не превращается в двенадцать тысяч.

Николай убрал бумагу.

- Пойдём к нему?
- Сначала перепишем всё начисто. И отдельно укажем, что про бороду спросил я.
- Зачем?
- Чтобы через месяц не прочесть в собственных записях, будто она сама вспомнила человека с седой бородой.

Николай посмотрел на него и медленно кивнул. Они пошли дальше. Утром Андрей соби-
рался найти людей, которых пытались ограбить чужой подписью. К полудню нашёл женщину,
которой когда-то обещали расчёт от имени его клиента. Гаврилину предстояло объяснить,
почему о Прасковье они слышали от неё самой.

Глава 5. Сто семнадцать рублей

Варвара Петровна Гаврилина приняла их в столовой. На столе стояла большая миска очищенного крыжовника. Возле неё – чашка с хвостиками ягод, ножницы и полотенце. Хозяйка вытерла руки, убрала ножницы подальше и указала на два стула.

– Иван Степанович говорил, что вы будете завтра.

– Понадобилось раньше. Он дома?

– В лавке. Пошлю.

Она позвала девушку, велела сказать хозяину, что ждут из конторы Громова, и снова села к крыжовнику. Андрей предложил подождать в передней.

– В передней душнее. Здесь хоть окно. Вы о двенадцати тысячах?

– Иван Степанович вам рассказал?

– Рассказал. Сначала про то, что ничего страшного. Потом про двенадцать тысяч. Предпочла бы обратный порядок.

Николай поставил папку на свободный стул. Дом выглядел крепким и давно устроенным: тяжёлый буфет, зелёная скатерть, на стене два семейных портрета. Ничто не указывало на богатство, которым хочется хвастаться. Зато почти каждая вещь была из тех, которые трудно заменить, если однажды придётся продать.

– Можете мне пока ничего не объяснять, – сказала Варвара Петровна. – Я знаю, что муж должен сам. Только об одном скажите. Мне будут присылать бумаги на подпись?

– Пока мы ни о каких таких бумагах не знаем.

– Хорошо. Потому что в прошлый раз тоже сначала не знали.

Андрей посмотрел на неё. Она ловко отрезала засохший хвостик ягоды.

– Иван Степанович расскажет.

Он пришёл через четверть часа, запыхавшийся и недовольный тем, что его недовольство заметно.

– Сергей Николаевич, мы же условились...

– Нашлись сведения, которые нужно проверить сегодня.

Гаврилин взглянул на жену.

– Варя, мы бы поговорили.

– Я могу уйти. Но если опять будет про мой дом, позови до того, как решишь.

Она собрала миску и чашку на поднос. Андрей встал, открывая ей дверь. Когда они остались втроём, Гаврилин тяжело сел.

– Что случилось?

Андрей положил перед ним копию расписки Прасковьи Зотовой. Купец прочитал первую строку и оттолкнул лист.

– Это другое.

– Что именно другое?

– Вы же видите сумму.

– Двадцать пять рублей.

– Вот. А вы пришли ко мне так, будто нашли двенадцать тысяч.

– Я пришёл спросить, почему вы не рассказали о выплатах семьям.

– Потому что я не получал для этого денег!

– Но выдавали.

– Из своих. Из выручки. Приходили люди, плакали. Что мне было делать, гнать? Теперь выходит, лучше бы гнал.

Гаврилин вскочил, подошёл к буфету и открыл средний ящик. Несколько минут перебирал бумаги, каждый раз шумно бросая неподходящую на стол. Наконец вытащил небольшую книжку в мягкой обложке.

– Вот. Читайте.

Андрей не стал брать книгу из протянутой руки.

– Положите. И сядьте.

– Зачем?

– Чтобы мы могли прочитать.

Гаврилин положил книгу и сел. Внутри были расходы по лавке и дому. Жалованье, перевозки, починка крыши. Часть страниц вырвана – давно, судя по потемневшим краям. На нужном развороте двенадцать строк были объединены скобкой. «Семействам, впредь до расчёта». Суммы небольшие. Двадцать пять, десять, пятнадцать. Ещё три – Зотовой на дорогу. Внизу подведён итог: сто семнадцать рублей.

– Кто писал?

– Приказчик. Я проверял.

– Приказчик тот же, что вчера вас привозил?

– Нет, этот молодой. Тогда Кондрат Петрович был. Он теперь у зятя живёт. Работать не может, глаза.

– Адрес дадите?

– Да.

– Сохранились расписки по остальным выдачам?

– Какие-то должны. Что люди возвращали. Не всякого же заставишь.

– Вы говорили Прасковье Зотовой, что осенью будет окончательный расчёт?

Гаврилин посмотрел на книгу.

– Говорил.

– Откуда знали?

– Мне сказали.

– Кто?

Он не ответил. Николай перестал листать книгу. Подождал, затем закрыл её, оставив палец между страницами. Андрей не торопил.

– Северцев, – сказал Гаврилин наконец. – Через своего человека. Не сам. Сказали, будет общее соглашение, расходы по несчастному случаю сведут, поставки отдельно, семьям отдельно. Кто должен, с того взыщут. Я пока давал немного, чтобы не ходили всякий день.

– Кем был его человек?

– Разные приходили.

– В тот раз?

– Тот, что сидел вчера у Свешникова. Беклемишев.

Андрей почувствовал короткое удовлетворение и не позволил ему перейти в следующую фразу.

– Вы узнали его вчера?

– Да.

– Почему не сказали?

– При нём?

– После.

– Вы и так всё спрашивали у него. Я думал, знаете.

– Я не знаю того, что вы не рассказали.

– Вы тогда с ним имели дело!

Гаврилин ударил ладонью по столу. Книжка подпрыгнула. Из коридора донеслись шаги и остановились. Купец оглянулся на дверь, понизил голос.

– Простите. Но вы же понимаете, как это звучит для меня. Я пришёл к человеку, который всё делал. Он ничего не помнит. Я рассказываю, как могу. Он сердится, что не всё рассказал.

Андрей убрал со стола свою тетрадь. В этой части клиент был прав. Болезнь Корсакова не обязывала Гаврилина заново узнавать собственное дело так, чтобы удобно было человеку из другого столетия.

– Хорошо, – сказал Андрей. – Давайте отделим. О нынешнем письме я узнал вчера. О ста семнадцати рублях – сейчас. О том, что Беклемишев разговаривал с вами в девяносто втором году, тоже сейчас. Я не сержусь, что вы помните больше меня. Мне нужно, чтобы вы не решали за меня, что имеет отношение к делу.

Купец провёл ладонью по лбу.

– Постараюсь.

– И ещё. Вы могли не получить двенадцать тысяч и всё же выдать людям сто семнадцать. Это не противоречие. Но противная сторона первой покажет ваши мелкие выплаты, если мы сами их скроем. Тогда придётся объяснять и деньги, и молчание.

Гаврилин взял книжку, посмотрел на итог.

– Мне их никто не вернул.

– Сто семнадцать?

– Конечно. Никто. Я ещё остался должен тем, у кого сам покупал. И теперь мне говорят, будто я нажил на вдовах.

– Вам обещали вернуть эти деньги?

– Учсть. В общем расчёте.

– Письменно?

– Нет.

Андрей кивнул. Не укоризненно – просто отмечая границу того, что у них было. Николай попросил разрешения переписать весь разворот, включая расходы до и после скобки. Гаврилин разрешил. Пока тот работал, Андрей вернулся к визиту у Свешникова.

– Его сын слышал слова «это плохо кончится».

Гаврилин поднял голову.

– Для меня плохо кончится. Я так и сказал. Если он начнёт требовать всё сразу, мне плохо кончится.

– Точно?

– Насколько могу помнить. Я не под запись с ним ругался.

– Вы говорили, что заставите его замолчать?

– Нет.

– Что придёте ещё?

– Говорил.

– Когда?

– Когда захочу.

Андрей подождал.

– Не пойду, – сказал купец. – Вы велели не ходить одному.

– Я прошу вас соблюдать это не ради моего удобства.

– Понимаю я.

По тому, как он сказал, было видно, что понимал не до конца. Угроза разорения имела для него вес. Неудачная фраза казалась пустяком, который юрист нарочно раздувает, чтобы оправдать свою надобность. Андрей знал, сколько дел начиналось с таких пустяков.

– Беклемишев посещал вас после мирового?

– Дважды. Может, три раза. Я был уже неинтересен. Всё подписано, спор кончен.

– Он приносил бумаги для вашей жены?

Гаврилин посмотрел на дверь.

– Вы с ней говорили?

– Она упомянула прежние бумаги на дом.

– Тогда, до мирового. Я хотел дать обеспечение, чтобы Северцев подождал. Варвара Петровна сказала, что лучше закроет лавку, чем отдаст отцовский дом под моё честное слово. Дальше разговор не пошёл.

– Беклемишев принял отказ спокойно?

– Он всё спокойно принимает.

Слова прозвучали с неожиданной неприязнью.

– Объясните.

– Я могу кричать. Свешников может кричать. Северцев мог столом трясти. Этот никогда. Он сидит и ждёт, пока ты сам устанешь. Потом говорит, как будто договорились. Иногда действительно выходит, что договорились, хотя ты не помнишь когда.

Гаврилин потёр пальцем след от чернил на скатерти.

– Вчера таким же был.

Николай закончил переписывать. Попросил дату и подпись под пояснением о том, кем велась книга и где хранилась. Андрей добавил, что подлинник нужно беречь, а перед передачей кому-либо они составят точную опись. Гаврилин согласился без спора. Когда они вышли в коридор, Варвара Петровна ждала там с конвертом.

– Вот это тоже возьмите посмотреть, – сказала она.

Купец недовольно шевельнулся.

– Варя...

– Здесь моего больше, чем твоего.

Андрей не взял конверт сразу.

– Что это?

– Письмо от того человека, который предлагал оформить обеспечение. Я тогда попросила прислать условия мне, раз речь о моём доме. Они, кажется, не ожидали, что я стану читать.

– Это ваши бумаги, – сказал Андрей. – Вы разрешаете использовать их для проверки обстоятельств дела мужа?

– Для проверки разрешаю. Прежде чем куда-то отдавать, скажите мне.

– Разумеется.

Она протянула конверт. Письмо занимало одну страницу. Беклемишев предлагал Варваре Петровне прибыть для обсуждения возможного обеспечения обязательств супруга. Подчёркивал, что никаких обременений без её согласия возникнуть не может. Всё было написано корректно, почти заботливо. Ниже стоял адрес конторы, через которую следовало согласовать время, и имя лица, от которого предполагалось получить краткосрочное содействие. Павел Алексеевич Вельяминов.

– Вы встречались с ним? – спросил Андрей.

– С Вельяминовым? Нет. Я никуда не поехала.

– Кто он вам?

– Мне никто. Благотворитель. В газетах бывает. Иван Степанович говорил, у него денег достаточно, чтобы нашими не интересоваться.

Гаврилин отвернулся.

– Я говорил, что он не ростовщик, – произнёс он.

– Одно другому мешает? – спросила Варвара Петровна.

Николай опустил глаза к тетради. Андрей попросил оставить письмо у хозяйки до завтрашней сверки, записал дату, адрес и точную формулировку. Она убрала его обратно в конверт.

– Иван Степанович, – сказал Андрей, – об этих бумагах нужно было рассказать тоже.

– Дом не заложили.

– Но теперь мы знаем, кто предлагал деньги.

Варвара Петровна открыла входную дверь.

– Вы уж приезжайте раньше, если понадобится. Только не посылайте человека с просьбой всё немедленно подписать. Так я никому не поверю.

– Правильно сделаете, – сказал Андрей.

Во дворе Николай остановился, чтобы спрятать записи от налетевшего ветра.

– Вельяминов, – произнёс он. – Я видел эту фамилию у Ремизова. Среди лиц, которым Нечаев направлял благодарности за участие в каком-то сборе.

– Это ещё ни о чём не говорит.

– Я и не говорю, что он виноват.

– Знаю. Запросим то, что касается старого предложения. Сам текст он может объяснить без всякой преступной истории.

Андрей посмотрел на окна столовой. Гаврилин стоял у стола, а жена что-то ему говорила, держа ладонь на закрытом конверте. Голосов с улицы было не слышно. По тому, как купец опустил голову, Андрей понял, что разговор для него тяжелее их расспросов.

– Вы думаете, он всё сказал? – спросил Николай.

– Нет.

– Тогда почему мы ушли?

– Потому что сегодня он отдал книгу, назвал Беклемишева и разрешил проверить приказчика. Если я ещё час буду добиваться обещания, что скрывать больше нечего, документов не прибавится.

Они вышли на улицу. У перекрёстка в тени дома стоял Беклемишев. Без трости, в том же светлом пальто. Он разговаривал с мальчиком-посыльным и протягивал ему монету. Увидев Андрея, отпустил мальчика и чуть наклонил голову.

– Сергей Николаевич. Как удачно.

– Для кого?

– Надеюсь, для нас обоих. Я хотел послать вам записку.

Андрей остановился так, чтобы Николай остался рядом.

– Слушаю.

– Павел Алексеевич Вельяминов готов помочь с доступом к старым расчётам. Ему сообщили, что Иван Степанович обеспокоен. Думаю, личный разговор снимет половину недоразумений.

– Кто ему сообщил?

– Я.

– Когда?

– После нашего вчерашнего разговора у Фёдора Андреевича. Вам удобно послезавтра?

Андрей посмотрел на него. Имя Вельяминова только что появилось на столе Варвары Петровны. Теперь человек с этим именем приглашал их к себе. Это могло быть обычным следствием вчерашней встречи. Могло означать, что за их вопросами следят быстрее, чем они успевают их задавать. Различить можно было только работой.

– Пришлите время и адрес в контору, – сказал Андрей. – И укажите, какие документы предполагается показать.

– Вы не любите бесед без бумаг.

– Если речь о двенадцати тысячах, предпочитаю иметь обе вещи.

Беклемишев слегка улыбнулся.

– Разумная привычка. Жаль, не все приобретают её вовремя.

Он попрощался с Николаем так же вежливо, как с Андреем, и пошёл к ожидавшему у соседнего дома экипажу. Андрей проводил его взглядом.

– Запишем? – спросил Николай.

– Приглашение запишем.

– А последнюю фразу?

– Тоже. Только не назовём угрозой, пока не узнаем, что он имел в виду.

Николай раскрыл тетрадь. Андрей стоял рядом, прикрывая страницы от ветра папкой, и впервые за день отчётливо почувствовал голод. Гаврилин об этой встрече ещё не знал. Нужно было предупредить его прежде, чем это сделает Беклемишев.

Глава 6. После закрытия

Мария Одинцова спросила через дверь, у кого они купили её адрес. Николай назвал переплётчика и человека, который когда-то перевозил мебель.

– Шкафы у нас давно кончились, – ответила она.

– Мы по расчётной конторе вашего деда, – сказал Андрей. – Сергей Николаевич Корсаков, из конторы Громова. Можем оставить записку, если сейчас неудобно.

За дверью помолчали.

– Громов который присяжный поверенный?

– Да.

– Одну минуту.

Заскрежетал ключ. Дверь открыла женщина лет тридцати с заколотыми наверх волосами. На пальце у неё оставался напёрсток, а к чёрному рукаву пристала длинная светлая нитка. Она сняла нитку, смяла в ладони и посторонилась.

– Только коротко. Мне к вечеру нужно кончить работу.

Комната была разделена ширмой. По одну сторону стояли кровать и комод, по другую – стол с тканью, две корзины, стул для посетительниц и высокий шкаф. Под окном сохли выстиранные кружевные воротники.

– Если вам дедовы капиталы, – сказала Одинцова, – вы немного опоздали. Их искали до вас люди старательнее. Не нашли.

– Нас интересуют бумаги проданной конторы.

– Бумаги все забрал покупатель.

– Вы помните, кто это был?

Она назвала фамилию, уже записанную Николаем.

– А что осталось у семьи?

– Долги. От некоторых успели отбиться. От некоторых нет. Ещё шкаф, как вы видите.

Мария провела ладонью по его боковой стенке. На дереве осталась полоска меловой пыли.

– Шкаф хороший. Пережил лучшее время и деда, и покупателя.

Андрей не сел, пока она не указала на стул.

– Мы не пришли требовать с вас, – сказал он.

– Все так начинают. Потом выясняется, что надо всего лишь засвидетельствовать, подтвердить или вспомнить. А после моей подписи у кого-нибудь оказывается основание ещё раз написать.

– Вам недавно предлагали что-нибудь подтвердить?

Одинцова посмотрела на него.

– Вы об этом?

– Пока не знаю. Расскажите?

Она сняла напёрсток, положила на стол и только тогда села сама.

– Весной пришёл человек. Вежливый. Сказал, что закрывают последние счета старой конторы. Попросил подтвердить, что со стороны наследников нет возражений против произведённого расчёта.

– Какого расчёта?

– Я тоже спросила. Он сказал, чистая формальность, ведь всё давно продано. Если всё давно продано, зачем спрашивать меня? На это он ответил, что так положено.

– Вы подписали?

– Нет.

– Он объяснил, кто его прислал?

– Назвал несколько фамилий. Больше всего повторял, что обременять меня не собирается. Я предложила действительно меня не обременять и уйти.

– Беклемишев?

– Кажется. Я не уверена. Бумага, наверное, осталась.

Мария открыла нижний ящик комода. Андрей ожидал обычной пачки документов, перевязанной шнурком. Вместо этого она вынула плоскую коробку из-под пуговиц, в которой каждое письмо было сложено отдельно и подписано карандашом на свободном краю.

– Всё, что относится к деньгам, я храню, – сказала она. – Этому дед меня научил посмертно.

Она нашла нужный лист и подала Андрею. Проект подтверждения был напечатан на половине страницы. Имя Одинцовой вписано чернилами. Текст не содержал ни суммы, ни указания конкретных книг: наследница подтверждала отсутствие претензий к завершению расчётов по прежней конторе. Внизу оставили место для подписи и даты.

– Вам предлагали деньги за это?

– Двадцать рублей. За беспокойство и расходы.

Николай поднял глаза.

– Какие расходы?

– Я спросила. Сказали, на извозчика и потерянное время. У меня как раз квартплата подходила. Они удачно выбрали время.

– Откуда знали о квартплате?

Мария пожала плечами.

– Может, случайно. Она каждый месяц подходит.

Андрей посмотрел на неё с невольным уважением. Одинцова не превращала совпадение в заговор даже тогда, когда заговор был возможен. У неё хватало действительных неприятностей.

– Вы сохранили конверт?

– Он принёс лично. Потом ещё записку прислал. Вот.

На записке стоял адрес Беклемишева, тот же, что в письме Варваре Петровне. Просьба была повторена учтиво, без угроз. Упоминалась необходимость завершить подготовку к осеннему сведению остатков.

– Можно переписать?

– Переписать можно. Унести нельзя.

– Мы так и рассчитывали.

Николай достал тетрадь. Андрей вернул проект подтверждения на стол и спросил о продаже конторы. Мария рассказала, что после смерти деда часть имущества перешла родственникам, дело ещё около года пытались вести прежние служащие. Потом продали право требования по некоторым долгам, книги и мебель. Семья получила не ту сумму, на которую рассчитывала: из цены удержали обязательства, о которых раньше никто не говорил вслух.

– Покупатель получил все счета? – спросил Андрей.

– Я тогда не разбирала, какие все, какие не все. Мать плакала, дядя доказывал, что его обошли. Меня посылали искать носильщиков. Мне было достаточно лет, чтобы помогать, и недостаточно, чтобы спрашивать.

Она улыбнулась без веселья.

– Это удобный семейный возраст. Иногда длится очень долго.

– Опись передачи сохранилась?

– Должна быть. Только бумаги матери у брата. Он в Пскове, служит. Быстро не получится.

– Мы можем написать ему через вас?

– Сначала я прочитаю письмо.

– Разумеется.

– И вы объясните, чего хотите. Без «всего относящегося».

Андрей достал лист. Он сформулировал просьбу точно: копия описи книг и расчётных документов при продаже бюро; сведения о передаче незавершённых обязательств; имена лиц, получивших бумаги. Мария прочитала, вычеркнула слово «незавершённых» и написала «оставшихся», объяснив, что брат иначе будет неделю выяснять, что считается завершением. Николай чуть улыбнулся.

– Пусть так, – сказал Андрей.

Она отложила письмо.

– Если вам нужна самая общая бумага о закрытии, у меня есть. Я ей от требований отговаривалась.

Из коробки появился заверенный в своё время документ о передаче предприятия и прекращении ведения дел наследниками. Не договор целиком, а выпись, подтверждавшая несколько основных обстоятельств. Андрей прочитал её внимательно. В одном из абзацев говорилось, что отдельные ранее открытые расчётные позиции остаются на ведении приобретателя до окончательного исполнения принятых обязательств. Само прекращение деятельности под прежним названием не означало их немедленного завершения. Он не спешил делать вывод.

– Вам после продажи поступали сведения по этим позициям?

– Иногда. Я не понимала, зачем. Потом перестали.

– Сохранились?

– Если не выкинула мать, то у брата. Подождите.

Мария снова стала перебирать коробку. На этот раз нашла узкий лист, вложенный между квитанциями на жильё.

– Вот это я оставила из-за адреса. Хотела написать, чтобы больше не беспокоили.

Письмо было датировано уже после смерти Одинцова и закрытия бюро. В нём сообщали, что по расчётной позиции с прежним обозначением произведено частичное сведение, дальнейшее движение будет отражено в общей книге распорядителя. На полях карандашом стояла отметка: «Одинцов. Остаток переносится». Ни просьбы заплатить, ни обещания выплатить наследникам там не было. Просто умершая фамилия продолжала жить в книге.

– Кто такой распорядитель? – спросил Андрей.

– Узнать я так и не смогла. Когда спрашивала у дяди, он говорил: не наше, продано. Когда пришёл тот человек весной, оказалось, опять немножко наше, потому что нужна подпись.

– Само письмо вы получали?

– Я. Адресованное матери. Она к тому времени плохо читала. Я отвечала за почту.

Николай переписал дату и адрес отправителя. Андрей смотрел на маленький лист и понимал, как легко было пройти мимо него. Не обвинение, не признание, не тайная записка. Заурядное извещение о том, что непонятный остаток перенесён с одной строки на другую. Именно такой бумаги не хватало списку Лаврова. Фамилия могла пережить человека. После закрытия предприятия под ней продолжали учитывать чужие права и долги. Поэтому три фамилии рядом не обязательно обозначали три живые цели. Но кто составил их список и почему передал Корсакову, это не объясняло.

– Мария, – сказал Андрей, – я покажу вам короткую записку. Не буду говорить, что предполагаю. Посмотрите, знаком ли почерк.

Он достал из папки точную копию списка, которую сделал Николай. Подлинник остался у Громова. Оригинальный почерк на простой копии нельзя было опознавать, и Андрей остановил себя раньше, чем протянул лист. Николай уже посмотрел на него с вопросом.

– Нет, – сказал Андрей. – Простите. Я принёс переписанный текст. По нему нельзя спрашивать о почерке. В другой раз, если будет необходимо, покажем сам лист.

Мария чуть склонила голову.

– А что написано, спросить можно?

Андрей после короткой паузы назвал три фамилии. Дату не назвал.

– Свешникова знаю по письмам, – сказала она. – Гаврилина не знаю. А нашу вы уже видели.

– Их могли поставить рядом как названия счетов?

– Я не работала в бюро. Этого не знаю.

Ответ был точным и совсем не помогал удобной версии. Андрей принял его без повторного вопроса. Они закончили переписывать бумаги. Каждую копию Николай показал хозяйке, чтобы она могла сравнить хотя бы имена и даты. Подлинники вернулись в коробку.

– Вы сказали, что не станете требовать с меня, – напонила Мария, закрывая крышку. – Это всё ещё так?

– Мы получили сведения, которые нам нужны. Если обнаружится, что ваши интересы затрагиваются, сообщим прямо. Но от имени Гаврилина никаких требований к вам сейчас не предъявляем.

– Вы осторожно отвечаете.

– Потому что не могу обещать за людей, о которых ещё не знаю.

Она кивнула и снова надела напёрсток. Разговор был закончен. У порога Андрей спросил:

– Если Беклемишев придёт ещё, вы можете сообщить в контору?

– Могу. Только я не буду его удерживать и расспрашивать для вас.

– Этого не нужно.

– Хорошо.

Она посмотрела на Николая.

– Бумагу брату я отправлю сама. Ответ может идти долго. Не приходите каждый день спрашивать.

– Оставим вам марку и конверт, – сказал Николай.

– За письмо заплатить можно. За подпись нельзя. Вы понимаете разницу?

– Да.

Мария приняла конверт, который он достал из папки, и закрыла дверь. На лестнице Андрей остановился, чтобы пропустить женщину с ведром. Потом пошёл дальше, держась за тёплые деревянные перила.

– Ты заметил мою глупость с почерком? – спросил он.

– Да.

– Надо было остановить.

– Вы сами успели.

– В следующий раз не жди.

Николай перешёл на одну ступень ниже.

– Вы часто говорите это, а потом смотрите так, будто я разбил вам часы.

– Буду смотреть лучше.

– Достаточно, чтобы не хуже.

На улице они остановились возле вывески булочной. Оттуда пахло горячим хлебом. Николай предложил купить по пирожку, и Андрей согласился без привычного «потом». Они ели стоя, в стороне от двери, чтобы не мешать покупателям. Андрей держал папку под локтем; жир из начинки грозил попасть на манжету.

– Странное дело, – сказал Николай. – Всем предлагают что-нибудь подтвердить. Гаврилина, его жене тогда, Одинцовой теперь. И всё будто бы для того, чтобы закончить.

– Может быть, действительно хотят закончить.

– Как?

– Собрать новые подписи под тем, что по старым бумагам установить трудно. После этого спор будет уже о сегодняшнем подтверждении, а не о том, сколько листов передавали три года назад.

Николай дожевал.

– То есть человек сам чинит то, чего не смог доказать другой.

– Если не прочитает, что подписывает.

– Или прочитает, но не поймёт, к чему относится «означенное».

Андрей посмотрел на него.

– Именно.

Он вспомнил проект, который предлагали Марии за двадцать рублей. «Отсутствие претензий к завершению расчётов». Без суммы. Без книги. Без того, кто кому должен. Такие слова были дешевле подделки. Их не нужно было писать чужой рукой. Нужно было всего лишь найти человека, который устал разбираться. Когда они вернулись в контору, на столе ждал плотный конверт с приглашением к Вельяминову. Время, адрес, имена приглашённых. Андрей написал ответ: просил приготовить к встрече подлинники расчётных документов.

Глава 7. Хорошее имя

У Вельяминова в передней ждали пятеро. Два человека с папками, женщина в дорожном платье, пожилой священник и мальчик, державший картонную коробку обеими руками. Мальчик сидел на самом краю дивана, чтобы коробка не касалась обивки. При входе Андрея и Громова секретарь поднялся.

– Господа Громов и Корсаков? Павел Алексеевич просил сразу проводить.

– Эти люди раньше нас, – сказал Громов.

– У вас назначено.

Священник подвинул ноги, освобождая проход. Ни раздражения, ни удивления в его лице не было. Назначенный час давал право идти вперёд, и все это знали. Андрей прошёл следом за Громовым. Николай остался в передней: ему поручили дожидаться копий, которые Беклемишев обещал прислать через секретаря, и записать, что именно выдали. Вельяминов стоял возле стола, разбирая небольшую стопку писем. Он оказался человеком лет пятидесяти, плотным, с коротко подстриженными волосами и почти совсем белыми висками. Носил простое серое платье, без заметных украшений. На столе лежали часы с потёртым футляром.

– Александр Петрович. Рад, что вы нашли время.

– Добрый день, Павел Алексеевич.

Они были знакомы. Громов сказал об этом ещё в дороге: встречались по разным поручениям, несколько раз участвовали в одном благотворительном сборе. Близости не было. Впечатление осталось хорошее. Андрей заранее решил, что не станет считать хорошее впечатление ни свидетельством невинности, ни особой хитростью.

– Сергей Николаевич, – Вельяминов пожал ему руку. – Примите поздравления с делом Нечаевой. Я не следил за подробностями каждого заседания, но сама развязка, кажется, была справедливой.

– Благодарю.

– Садитесь. Василий Андреевич сейчас подойдёт.

На стенах висели две акварели и большая карта железнодорожных линий. У окна стоял глобус на деревянной подставке, заметно потёртый у Северного полушария. Вещи выглядели используемыми, а не расставленными для впечатления. Вельяминов убрал письма в сторону.

– Я хотел бы сразу определить границы. Господин Гаврилин не мой должник по всем своим делам. Я не намерен вмешиваться в его торговлю и тем более в положение семьи. Но часть старых расчётов касается обязательств, которые обеспечивались при моём участии. Раз они вызывают вопросы, я предпочитаю услышать их от вас.

– Какие именно обязательства? – спросил Андрей.

Вельяминов посмотрел на Громова, будто удостовераясь, что начинать можно так прямо. Патрон молчал.

– Совместное закрытие претензий по ряду поставок и последствиям строительных происшествий. Старые дела, переходившие из рук в руки. Из-за этого, вероятно, и возникло недопонимание.

– У Ивана Степановича есть копия его подписи под отдельным расчётом. Ему предъявляют её как подтверждение получения денег для выдачи семьям. Он получение этой суммы отрицает. Мы просили полный комплект бумаг.

– И получите. Василий Андреевич предупредил, что вы хотите видеть каждый лист.

– Вместе с оборотами.

– Разумеется.

Вельяминов сказал это без насмешки. Андрей отметил, насколько трудно будет спорить с человеком, который заранее признаёт разумность всех просьб.

– Вы участвовали в соглашении девяносто второго года? – спросил Громов.
– В обеспечении некоторых его частей. Прямые расчёты между поставщиками вели другие.

– Можно увидеть условия вашего участия?

– В относящейся к Гаврилину части – да. В отношении других лиц нужно их согласие или надлежащее требование. Вы понимаете.

– Понимаем, – сказал Громов. – Но отсутствие доступа к чужим делам не должно превращать документ нашего доверителя в отдельный лист без основания.

– С этим я не спору.

Вошёл Беклемишев. Извинился за опоздание и положил на стол две папки.

– Одна для просмотра здесь, вторая – подготовленные копии.

– Сверенные с подлинниками? – спросил Андрей.

– Переписанные с тех экземпляров, которые у нас имеются.

– То есть сначала нужно установить, какие у вас экземпляры.

– Именно так.

Беклемишев сел у торца стола. Вельяминов подвинул первую папку к Громову.

– Здесь то, что могу показать немедленно. Для остального понадобится собрать согласия и поднять книги. Я прошу только не превращать обычную сверку в обвинение до того, как она произведена.

– Кто-нибудь вас уже обвинил? – спросил Громов.

– Не вслух. Но после дела Нечаевой город любит связывать фамилии. Я имею несчастье знать людей, которых обсуждают. Иметь с ними дела тоже доводилось. Не все из них оказались такими, какими я считал.

– Это бывает, – сказал Громов.

Андрей раскрыл папку. Первым лежало соглашение о предоставлении средств для завершения ряда расчётов. Несколько лиц принимали на себя обязательство представить подтверждающие документы и возратить неиспользованные остатки. Вельяминов предоставлял часть обеспечения и поручался по определённым суммам в пределах прямо указанного обязательства. Двенадцать тысяч встречались в приложении к разделу, обозначенному фамилией Гаврилина. Пятнадцатое октября – в пункте о завершении сверки. Андрей прочитал этот пункт дважды, затем передал Громову.

– Вот наша дата.

Вельяминов поднял глаза.

– Она указана в письме Фёдора Андреевича.

– Да.

О списке они ему не сказали. Пункт предусматривал представление расчётных оправданий до указанного дня. При согласовании расчётов стороны должны были подписать окончательный свод, после чего часть удерживаемых обеспечений возвращалась предоставившим их лицам. О спорных статьях следовало заявить отдельно. Никакого волшебного исчезновения долга или права жаловаться там не было. Была вполне земная причина торопиться: после подписания свода объяснять старые претензии становилось гораздо труднее, а имущество, пока обеспечивавшее исполнение, могло перестать его обеспечивать.

– До октября ещё есть время, – сказал Андрей. – Почему от Гаврилина требуют подтвердить всё сейчас?

– Потому что это время понадобится на недостающие бумаги, – ответил Вельяминов. – Разве ваш визит не доказывает, что мы правильно начали заранее?

Ответ был хорошим. Андрей позволил ему остаться хорошим.

– Если он заявит, что не получал двенадцать тысяч?

– Тогда нужно проверить основание этой записи.

– А если основание не подтвердится?

Вельяминов чуть нахмурился.

– Тогда не подтверждённую им выдачу нельзя считать подтверждённой. Полагаю, это понятно всем присутствующим.

Громов поднял голову от бумаги.

– Мы можем сослаться на ваше согласие с таким порядком в письме о сверке?

– Можете. Только не приписывайте мне признания, что выдачи не было. Я этого не знаю.

– Не припишем.

За дверью раздался тихий стук. Секретарь вошёл с запиской. Вельяминов прочитал её и поморщился.

– Передайте, что за само обучение ничего с неё не возьмут. Но про общежитие я сегодня не обещаю. Нужно спросить, есть ли место.

– Она говорит, что уезжает вечером.

– Тогда пусть оставит, где можно ответить. И дайте денег на дорогу до места, где она остановилась. Из моего расходного. Только запишите.

Секретарь ушёл. Вельяминов посмотрел на гостей.

– Простите. Человек приехал издалека, не могу заставить ждать ещё час из-за нашей бумаги.

Ни оправдываться, ни подчёркивать щедрость он не стал. Вернулся к разговору так, будто это была обычная часть утра. Андрей подумал, что, возможно, так оно и было. Добрые поступки не отменяли необходимости читать приложение. И не становились ложными только потому, что он подозревал хозяина кабинета.

– Кто составлял ведомости по пострадавшим? – спросил он.

Беклемишев открыл вторую папку.

– По разным участкам разные лица. Первоначальные списки давали подрядчики. Затем сведения сводились.

– Ведомость у Свешникова кто составлял?

– Это сводный документ.

– Я спрашиваю о человеке.

Беклемишев перелистнул несколько страниц.

– В копии, которая находится здесь, составитель не обозначен. Можно проверить по конторским книгам.

– Проверьте, пожалуйста. И ещё: кто передал вам пакет, который вы недавно вернули Свешникову?

– Пакет поступил вместе с другими бумагами, связанными со старыми расчётами.

– От кого?

Вельяминов повернулся к распорядителю.

– Василий Андреевич, если имя можно назвать, назовите. Мы ведь для этого встретились.

Беклемишев выдержал короткую паузу.

– От Тимофеева. Часть находилась у него по делам «Рейнгольда».

Андрей записал имя.

– Когда?

– Дату уточню.

– Опись передачи есть?

– Должна быть в книге.

– Мы просим включить её в документы для сверки.

– Запишу.

На этот раз Андрей не стал добавлять ещё три вопроса о Мезенцеве. Тимофеев уже получил место в цепи хранения. Следующий шаг следовало делать по книге, а не по готовности Беклемишева говорить. Громов закрыл первый документ.

– Павел Алексеевич, здесь есть ещё одна сторона. Семьи людей, которым будто бы произведены выплаты. Их подтверждений мы не видели. Если они станут спорить, весь свод нельзя считать только делом между торговыми конторами.

– Согласен, – сказал Вельяминов. – Именно поэтому я хотел получить окончательные расписки. Иначе спор будет длиться бесконечно, а люди так и не получат ничего.

– Некоторые утверждают, что получили гораздо меньше, чем указано в бумагах.

– Тогда следует доплатить.

Он произнёс это просто, почти устало.

– За чей счёт? – спросил Андрей.

– Это зависит от того, кто удержал деньги.

– А если тот, у кого требуют, их не получал?

Вельяминов посмотрел на него внимательнее.

– Вы защищаете Гаврилина с похвальным упорством. Но вы не можете заранее перенести его долг на того, кто способен заплатить.

– И он не должен отвечать только потому, что на сохранившемся листе стоит его имя.

– Здесь мы снова согласны. Значит, нужно продолжать сверку.

Громов положил ладонь на край папки. Небольшой жест, хорошо понятный Андрею: не ходить по кругу. Вельяминов откинулся в кресле.

– Я предложу практическую вещь. Если Иван Степанович больше всего боится немедленной денежной претензии, на время проверки её можно не предъявлять. Я готов содействовать такому соглашению со Свешниковым. Без признания спорной суммы, без новых обеспечений. Пусть ваш доверитель спокойно работает.

Предложение было настолько разумным, что Андрей почувствовал почти досаду.

– Письменно? – спросил он.

– Конечно. Через Александра Петровича. Я не собираюсь ловить человека на разговоре без свидетелей.

– Мы передадим ему.

– И ещё. Если окажется, что взыскать не с кого, я готов рассмотреть помощь семьям. Но прошу не объявлять об этом раньше времени. Из одного обещания помочь двум людям легко получается долг перед двумястами.

Андрей кивнул. Он слишком хорошо знал, как это происходит. Разговор подошёл к концу. Они согласовали перечень документов, которых не доставало, и срок получения ответа. Беклемишев записал требования, прочитал вслух, добавил по просьбе Громова описи приложений и отдельные пометы на оборотах. Всё выглядело правильно. В передней мальчик с коробкой уже ушёл. Женщина в дорожном платье держала листок с адресом и вытирала глаза платком. Священник поднялся, когда секретарь пригласил его войти. Николай сидел у небольшого столика с разложенными копиями.

– Получил семь листов, – сказал он. – Записал названия. По одному вопрос.

– Какой? – спросил Громов.

Николай показал нижнюю строку ведомости.

– В копии у Гаврилина было «в части двенадцати тысяч». Здесь просто «двенадцать тысяч». Может быть, сокращение копииста. Я попросил отметить расхождение, пока не сверят.

Беклемишев, вышедший проводить их, наклонился.

– Вероятно, сокращение. Уточним.

– Благодарю, – сказал Николай.

Андрей заметил, что тот больше не относился к нему как к лишнему писцу. На лестнице Громов убрал очки в футляр.

– Ну?

– Он не сказал ничего, с чем можно спорить без документов, – ответил Андрей.

– Это не преступление.

– Я знаю.

– Предложение приостановить требование Гаврилину полезно. Не надо отказываться от полезного только потому, что человек вам не нравится.

– Он мне нравится.

Громов посмотрел на него.

– Вот как?

– Именно это мне сейчас мешает.

Патрон хмыкнул.

– Тогда считайте, что у нас одинаковое затруднение.

Они вышли на улицу. Николай остановился у стены, достал ещё один лист.

– Это не из копий. Пока ждал, секретарь принёс на подпись приёмную записку по сукну.

Спросил, не наша ли папка, перепутал. Я читать не стал. Только увидел фамилию Свешникова и вернул.

Андрей вспомнил корзину у окна.

– Синее?

– Не знаю. Просто сукно для мастерской при приюте. Секретарь сказал, что уже третий день решают, принимать или возвращать, потому что материал не по образцу. Я записал его слова отдельно.

– Это может не иметь отношения к делу, – сказал Громов.

– Может, – согласился Андрей.

Он всё же попросил Николая сохранить записку. Не потому, что знал, зачем пригодится. Потому, что уже видел те же образцы в кабинете человека, предъявлявшего двенадцать тысяч, и хотел иметь возможность восстановить обычное движение его дел. До конторы дошли пешком. По дороге Громов купил газету. На второй странице было краткое сообщение о пожертвованиях на содержание ремесленной мастерской. Фамилия Вельяминова стояла среди нескольких других. Андрей прочитал сумму. Больше тех денег, о которых просила Нечаева Прасковья Зотова, в десятки раз. Вполне настоящая помощь вполне настоящим людям. Он вернул газету.

– Сохранить? – спросил Громов.

– Да.

– Как свидетельство чего?

Андрей подумал.

– Пока того, что мы знаем о нём не только через Беклемишева.

Громов сложил газету.

– Хороший ответ.

У дверей конторы их ждал посыльный от Свешникова. Обещанные ещё накануне полные копии опять не привезли. Вместо них была записка: изготовление задерживается, требуется уточнить состав приложений. Внизу Свешников собственной рукой добавил: «Сергей Николаевич, прежде дальнейших сношений прошу найти возможность поговорить со мной лично. Без Ивана Степановича. Предпочтительно завтра». Андрей прочитал приписку и передал Громову.

– Согласитесь, – сказал тот.

– С вами?

– Узнайте, против ли он моего присутствия. Если против, выясните причину. Но обязательно пойдите.

Николай взял у посыльного квитанцию.

– Ответ сейчас?

– Сейчас, – ответил Андрей, взглянув на часы. Свешников ждал его без Гаврилина, и он хотел знать почему.

Глава 8. Оставшийся экземпляр

В архиве было прохладнее, чем наверху, и пахло плесенью. Пантюхин сидел у стола, подложив под локоть сложенную газету. На газете темнел круг от стакана. Увидев Николая, старик начал подниматься, но тот попросил не вставать.

– Мы сегодня не о человеке, который забрал папку, – сказал он.

Пантюхин остановился на полпути и медленно сел обратно.

– Слава тебе господи. Я уж больше ничего не вспомню, молодой человек. Сколько спрашивали, столько и говорил.

– Мы знаем. Нужна книга расходов за девяносто второй год.

– Это наверху.

– Общая наверху. А мелкие платы переписчикам и за бумагу?

– У меня, если не унесли. Который месяц?

Николай назвал месяц, указанный на подлиннике расписки Корсакова. Пантюхин снял со стеллажа небольшую книгу и подул на обрез. Пыль поднялась прямо к лицу Андрея. Он отвернулся, сдержав кашель.

– В книгах хоть можно найти, – сказал старик. – Голова теперь хуже книги. А спрашивают всё голову.

– Поэтому мы и просим книгу, – ответил Андрей.

Пантюхин кивнул ему с благодарностью. Николай сел за стол. Андрей остался стоять у стеллажа, держа лампу, которую старик зажёл даже среди дня: единственное окно выходило под самый двор, света на странице не хватало. Расходы были записаны мелко, без ясных столбцов. Возле одних сумм стояли подписи получателей, возле других – только инициалы. Бумага перемежалась дровами, переписка жалобы – починкой дверной ручки. Сомов читал спокойно. Несколько раз возвращался к предыдущему развороту, проверяя число. Андрей видел, как он ведёт ногтем по строкам, чтобы не перескочить.

– Вот, – сказал Николай.

Он не торжествовал. Просто подвинул книгу под свет. «Гаврилин. Копии соглашения и ведомости, два экз. А. Дроздову – 60 к.» Дата стояла за два дня до расписки Корсакова. Андрей прочитал вслух.

– Кто такой Дроздов?

Пантюхин прищурился.

– Писал для нас иногда. Когда своих рук мало. Аккуратный был. Антон Павлович, если не путаю.

– Где он служил?

– При счётных делах где-то. Потом ещё приходил. Давно.

– Его адрес есть?

– Должен быть в книге посторонних работ. Только она не здесь. У Николая спросите.

Николай посмотрел на старика.

– Я её уже нашёл. Там старый адрес. Я хочу удостовериться, что это тот же человек.

– Если Антон Павлович, то тот. Я другого Дроздова не помню.

Андрей опустил лампу на край стола.

– Почему два экземпляра? У Свешникова мы видели указание на три одинаковых экземпляра соглашения.

Пантюхин развёл руками.

– Так это у них три. А у нас для чего переписывали, я не скажу. Александр Петрович читал, вы читали, доверителю могли дать. Не стану выдумывать.

Николай перелистнул страницу. На соседнем развороте Гаврилин упоминался ещё раз. Не в приходе и не в расходе денег, а среди мелких отметок о выданных работах. «Один экз. С. Н. с замечаниями; второй – к делу». Андрей смотрел на сокращение собственного чужого имени. Один экземпляр с замечаниями. Второй к делу. Папка пропала. Значит, пропало не всё, что когда-либо существовало. Но существование копии три года назад ещё не означало, что она сохранилась сегодня.

– Можно снять точную копию обеих записей? – спросил он.

– Снимайте, – сказал Пантюхин. – Только книгу не уносите. Начнут искать – скажут, опять я отдал неизвестно кому.

– Не унесём.

Николай переписал записи вместе с соседними датами. Андрей осмотрел края страницы: никаких явных вставок, различий бумаги или вырванных листов поблизости не было. Он не считал себя знатоком книг и не собирался потом выдавать этот осмотр за заключение. Просто отметил то, что видел. Пантюхин всё это время сидел, сложив руки на коленях.

– Сергей Николаевич, – сказал он вдруг, – вы тогда сердитый были.

Андрей поднял голову.

– Когда?

– Вообще. В те годы. Я не про папку, её не помню. Вы то спешили, то забывали, а как я забуду – сердились. Теперь иначе спрашиваете.

Николай замер над тетрадью. Андрей поставил лампу ровнее.

– Значит, раньше спрашивал плохо.

– Может, моложе были. Молодые сердятся, когда медленно. Потом сами медленные.

Старик потянул к себе газету, сложил её по старому сгибу.

– Только вы не подумайте, что я вам теперь прошлое из обиды приписываю. Что помню, то говорю. Человека не помню. Записку не сохранил. Виноват, спору нет.

– Пётр...

Андрей остановился: он не знал имени Пантюхина и чуть не назвал первое пришедшее в голову.

– Простите. Я хотел сказать, что об ошибках с папкой мы уже говорили. Сегодня вы нашли книгу. Это помогло.

Старик кивнул, не исправляя его. Когда они поднялись наверх, Громов ещё не вернулся. Николай отнёс книгу адресов к окну.

– Вот наш Дроздов. Счётная переписка, частные работы. Адрес на Садовой, но запись старая.

– Рядом с бывшим бюро Одинцова?

– На той же улице. Улица длинная.

Андрей посмотрел на него и усмехнулся.

– Хорошо. Не будем сводить её в один дом.

Они отправили посыльного с короткой просьбой передать, живёт ли Антон Павлович по прежнему адресу и принимает ли работу. Никакого списка фамилий в записке не было. Если адрес устарел, первый попавшийся человек не должен был получить содержание их расследования вместе с вопросом. Андрей сел к столу и достал свою личную тетрадь. Не тот лист, на котором осталось имя Андрея Михайловича Воронцова. Другая, рабочая тетрадь: даты, расходы, встречи, имена. За последние месяцы таких записей набралось больше, чем за несколько лет прежней жизни. Раньше значительную часть помнил телефон. Теперь забытое часто невозможно было восстановить вовсе.

Он записал: «Копия соглашения с замечаниями была передана С. Н. Где хранил?» Вопрос выглядел почти издевательски. Человек, которого следовало спросить, был указан на двери кабинета. Спросить было некого. Николай подошёл с ключом.

– Можно посмотреть верхнюю полку вашего шкафа? Там личные старые бумаги, которые мы после болезни не разбирали подробно.

– Разбирали.

– По фабрике и Рогову. Мировые соглашения о лесных поставках вы тогда не искали.

– Посмотрим вместе.

Они сняли три связки. Письма кредиторов, старые черновики, бумаги с адресами. Несколько театральных программ. Квитанция на вещь, заложенную за сумму, которая теперь казалась Андрею одновременно смешной и слишком большой. Он впервые увидел письмо женщины, имени которой не знал. Началось оно с «Серёжа». Андрей сложил лист, не читая дальше, и отложил отдельно. Николай заметил движение, но промолчал.

– Это может быть важно, – сказал Андрей, словно объясняясь.

– Может.

– Я всё равно не стану читать сейчас.

– Не надо сейчас.

В одной из связок нашлись два черновых листа с цифрами по лесу. Без подписей, без даты. Гаврилин не упоминался, Северцев – только инициалом, который мог означать другого человека. Они положили листы в отдельную папку, не радуясь раньше времени. Полного соглашения не было.

К вечеру стол покрылся бумагами, которые рассказывали о прежнем Корсакове больше бытового, чем Андрей хотел знать. Он опаздывал с платежами. Покупал ненужное. Делал точные юридические выписки, потом не доводил до конца собственные поручения. В одном черновике предлагал удачный вопрос свидетелю, на следующем листе рисовал профиль женщины. Это был человек. Не объяснение, почему его жизнь следовало отдать Андрею. Не злодей, которого удобно заменить. Человек, делавший хорошее и дурное в непонятной пока последовательности. Николай связал просмотренные бумаги новой лентой.

– Здесь нет. Письма отложить отдельно?

– Да. И ничего не выбрасывай.

– Я и не собирался.

Громов вернулся перед закрытием. Выслушал про книгу расходов и копию с замечаниями.

– Я мог читать её, – сказал он. – Но где вы держали после, не знаю. Вспоминать на заказ не буду.

– Дроздов может помнить содержание?

– Может помнить, для чего переписывал. Содержание лучше искать на бумаге.

Андрей показал два черновых листа. Громов пробежал глазами цифры.

– Поставки. Этого мало. Но оставьте.

Он стоял у стола, усталый после целого дня чужих просьб, и всё же перевернул каждый лист, прежде чем вернуть.

– Сколько у нас теперь независимых мест хранения? – спросил он.

Николай перечислил: экземпляры у Свешникова, бумаги, которые показал Вельяминов, возможные остатки у переписчика, документы о продаже бюро у брата Марии, домашняя книга Гаврилина.

– Вот этим и займитесь. Если бумаги действительно подменяли, они должны расходиться не только с чьей-то памятью.

– А если все сверили заранее? – спросил Андрей.

– Тогда будем смотреть, кто и когда имел такую возможность. Но пока вы не видели даже всех копий. Не дарите противнику совершенство раньше времени.

Посыльный вернулся, когда Николай уже надевал сюртук для ухода. Дроздов по старому адресу не жил. Соседка знала, что он давно переехал, куда – не сказала. Зато на обороте записки появилась другая помета: в соседней лавке его иногда видит хозяин; просили зайти утром.

– Это всё? – спросил Андрей.

– Ещё человек у двери, – сказал посыльный. – Спросил, вы ли тут Корсаков. Я сказал, тут. Он велел передать, что пришёл по живому делу.

– По какому?

– Так сказал. По живому.

Николай подошёл к окну, выходившему во двор.

– У парадного никого не видел, когда выходил за водой.

Андрей поднялся.

– Останьтесь с Александром Петровичем. Я посмотрю.

– Нет, – сказал Громов из кабинета. – Посмотрим вместе. После вашего рабочего дня ещё не хватало отдельной прогулки к неизвестному.

Они вышли в приёмную. На скамье у стены сидел мужчина в коротком потёртом пальто, слишком тёплом для летнего вечера. Картуз держал обеими руками. Лицо было худое, обветренное, с красными пятнами у носа. Он поднялся, увидев Андрея, и тут же перевёл взгляд на Громова.

– Я к Сергею Николаевичу.

– Это Александр Петрович Громов, – сказал Андрей. – Можно говорить при нём.

– Мне не в приёмной.

Андрей указал на кабинет. Мужчина прошёл внутрь, не глядя на Николая. У двери оставался, будто проверяя, не запирают ли её снаружи.

– Воды? – спросил Андрей.

– Да.

Николай принёс стакан. Посетитель выпил половину, потом поставил стакан на стол так осторожно, что стало видно, как дрожат пальцы.

– Ковалёв сказал, если некуда будет, к вам, – произнёс он.

Андрей почувствовал, как собрались мышцы плеч.

– Аркадий Ильич?

Мужчина кивнул. Мезенцев оказался меньше и старше человека, которого Андрей успел вообразить. Многолетний исполнитель, подписи на денежных поручениях, ложная смерть, бегство из-под Новгорода – всё это прежде принадлежало имени. Теперь имя сидело на стуле и боялось поставить стакан слишком громко.

– Где вы были? – спросил Громов.

– Не стану сейчас. Если можно.

– Можно, – сказал Андрей. – Что случилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.